

Точка бифуркации

«— Ищете тетрадь главный бандит? — тихо спросил мальчик.

— Бандит он или нет, я не знаю, но то, что тебе с его головорезами лучше не встречаться, уверен. Так что потерпи: у нас ты в безопасности, понятно, здесь не рай...» В романе «Через парк» Марии БУШУЕВОЙ небольшой город Кудринск становится ареной нешуточных страстей. Местный магнат и его супруга охотятся за рукописью трактата погибшего маргинального философа: провинциальная молва приписывает ему разгадку кода бессмертия. В эпицентре детективного сюжета невольно оказывается раненый давней любовью психотерапевт, от лица которого ведётся рассказ. Будущее «отбрасывает в настоящее тень, близкое будущее проникает через людские мысли о нём, отражаясь в нашем сознании, точно капли дождя на стекле». Мальчику открылась тайна человеческой памяти. Или это всего лишь игры воображения?..

ЧЕРЕЗ ПАРК

Из романа

«Или неверное то было сновиденье...»

А. Пушкин

Пушинки

Я смотрел на него, стараясь пригасить сочувствие. Сочувствие туманит зрение, а мне нужно было чётко разглядеть: он действительно видит пушинки или ему они мерещатся.

— Вот здесь, — сказал он тихо, — видите?

Я глянул на край своего рабочего стола, где лежала чёрная папка. Я не всё доверяю электронике, что-то записываю в обычный ежедневник-органайзер. Ежедневник как раз и лежит в этой папке, на которую он показывает. Обычно кабинет моет одна и та же уборщица, это её подработка — приходится ухаживать за мужем-инвалидом, денег в библиотеке, где она работает, платят мало, и по утрам она трудится здесь. Упрекнуть её не в чём: убирает тщательно, стирает пыль, поливает цветы.

— Не вижу, — огорчённо сказал я. — Грустно, но тебе это всё только кажется.

— Вы... — он посмотрел на меня каким-то странным взглядом, точно не на меня, а внутрь меня, словно и во мне пытался обнаружить пушинку. — Вы же не хотели меня жалеть. Жалость туманит зрение, хотя это слёзы без слёз. Туман мешает вашим глазам.

Я не сильно удивился тому, что он почти угадал мои мысли. В моей работе это не так редко: ещё невротик Фрейд отмечал такие случаи. Гораздо сильнее меня удивило другое: когда я снова перевёл взгляд и посмотрел на папку, — увидел пушинку. Крохотный парашютик, на котором свою семечку отправляет в полёт одуванчик. Как я мог его не заметить?

— Что ж, выходит, ты победил, — сказал я, помолчав. — А значит, сможешь мне спокойно и откровенно, как победитель побеждённого, рассказать, почему ты боишься своего отца.

Он вздрогнул, но не спрятал взгляд, как бывает, когда ловишь человека на чём-то для него стыдном или на том, что он вытеснил в подсознание, защищаясь от болезненного воспоминания. Так мы порой прячем в своём доме сами от себя какую-то вещь, с которой связано что-то неприятное. Я сам не в силах выбросить письмо одной девушки, забросил его куда-то, возможно, за шкаф, надеясь не найти никогда. Когда-то несколькими словами на белом аккуратном листочке девушка обдала опасной волной моё сердце, как лодка, покачнувшееся от её отказа стать моей женой. Лодка с трудом удержалась на воде отчаянья, не затонула и не разбилась о быт, как это случилось с Маяковским. С тех пор я одинок.

Он смотрел прямо, как стрелок, видящий цель. И я знал: цель — уйти из этого кабинета навсегда. И не отводил взгляда. Двенадцатилетний худенький мальчик с большими серыми глазами. Его привела на приём ко мне мать, испугавшись, что с сыном что-то не так: он стал подолгу мыть руки, снимать с одежды соринки, тщательно протирать свой планшет и учебники. Мой брат, объяснила она, покончил с собой, он был, как говорит наша бабушка, не от мира сего, к примеру, считал, что слышит, когда цветок жалуется, что земля в горшке высохла и просит полива, как-то шли мы ним по мосту, и он сказал мосту спасибо, что не обрушился... А ещё стихи сочинял, мой муж вечно над ним насмехался, звал малахольным. Он так и Митю обзывает. Меня напугали, что у Мити плохая наследственность.

— А как вы считаете, — спросил я, — что послужило причиной самоубийства вашего брата?

— Причиной... — она опустила голову и нервно открыла, а потом закрыла сумку, лежащую у неё на коленях. Наверняка в сумке припасены для меня конфеты: чем ещё может нынешний бедняк отблагодарить врача?

— Причина — квартира. У него была однокомнатная.

— Его кто-то обманул?

— Он... — на её лице вспыхнули неровные красные пятна. — Он сам написал дарственную, ради еды, он же не работал... Иногда подрабатывал, где придётся, хотя образованный был, не то, что мой муж-слесарь... В общем, голодал.

— А в квартиру вселились чужие и его выбросили на улицу?

— Почти что так. В ней стала постоянно гулять компания мужиков, соседи потом, уже после, рассказывали, что пьянка была ежедневная, дебоширили, приводили девиц, устраивали драки ... Его не выгоняли, но...

— Довели?

— Да, они его довели. — Она достала носовой платок и вытерла выступившую на щеках влагу. — Понимаете, не знаю, сказать вам это или нет, но скажу. Моста-то, по которому мы с ним и с Митей шли в деревню, моя мать там живёт, она учительницей в селе работала, там и осталась, моста-то уже не было, когда мы возвращались, мост-то обрушился.

Сейчас она ждала в коридоре, усталая тревожная женщина, работающая технологом в ателье, куда и я иногда отдаю на ремонт свою одежду: так и не научился пришивать пуговицы или оторвавшуюся подкладку пиджака.

— Ну, если не хочешь говорить об отце, — я выдержал прямой взгляд мальчика, отметив, что малахольным его никак бы не назвал, — тогда расскажи о дяде, ты, наверное, его любил?

И мальчик заплакал.

Он плакал беззвучно. Отчего-то все посторонние звуки внезапно обострённо усилились: зажужжала косилка на газоне возле дома, муха, о существовании которой я даже не подозревал, загудела на подоконнике и стала биться в стекло, в коридоре зашелестели голоса, рассыпались в разные стороны чьи-то торопливые шаги.

— Я не боюсь его! Я его ненавижу! — внезапно крикнул мальчик и выбежал из кабинета.

Возвращать его не имело смысла. Сегодня он больше ничего не расскажет.

Его матери, которая, войдя, стала с униженной улыбкой доставать из сумки коробку конфет, я сказал:

— Конфет не надо, я работаю здесь за официальную зарплату и подношений не беру. Если ваш мальчик сам попросит ещё об одной встрече со мной, тогда приходите с ним вместе. У него невроз. И принесите, если это не сложно, фотографию погибшего брата вашего мужа.

— А мужа не привести? — спросила она, неловко убирая коробку в сумку, — и я заметил узор голубоватых вен на её утомлённых руках.

— Он готов побеседовать?

— Не знаю... Попробую с ним поговорить. Вы не думайте, он не какой-то конченный, да, попивает, особенно по выходным, — пластается на заводе, слесарем работает, надо расслабиться. А иначе он злой, орёт на Митю, меня гоняет за то, что я не экономно трачу деньги.

— В семейной жизни с ним нелегко?

— Нелегко. А вот для друзей он душа нараспашку, им с огорода все овощи, а ведь огородом-то моя мать занимается, он приедет, в машину закидает — купил себе «японку» — и по друзьям развезёт... А нам с Митей, что уж останется.

— Переживал смерть вашего брата?

— Н-не знаю, — она сгорбилась на стуле и втянула голову в плечи, точно пытаюсь спрятаться по-черепашьи сама в себя, — когда мать моя болела, он заставил Фёдора заниматься огородом, май, нужно было всё сажать, а кормил его... хуже, чем матеиногo кота — объедками. Издевался над ним за то особенно, что Федю называли... забыла... ну, который человек из космоса послания получает.

— Контактёром?

— Точно так. Он и сам считал, что во сне с ними... не знаю, с кем... на контакт выходит.

— Что-то предсказывал?

— Ой, вам рассказываю, а вы его психом посчитаете, — внезапно испугалась она.

— Я ничего не записываю.

— Так вы ж на зарплате, значит, отчёта у вас всё равно потребуют.

— Официально я называюсь психотерапевтом, то есть диагнозы не ставлю. И это моё дело: какие сведения внести в анамнез вашего мальчика. К тому же вы сами сказали, что опасаетесь наследственности.

— Случившееся с братом сильно меня напугало, хотя до сих пор я сомневаюсь: сам ли он это сделал... А тут Митя стал подолгу руки мыть, пыль везде, то есть грязь искать, а ещё книгу читать, которую Фёдор случайно у нас дома оставил: муж ругался, отнимал, кричал, там одна ерунда, сказки про какую-то страну невидимую, где живут бессмертные мудрецы.

— Шамбалу?

— Вы знаете?

— Что-то знаю.

— И всё равно Митю я бы сюда не привела — муж заставил. Ну, я пойду, а то Митя убежал один...

Идя по летней аллее домой — работа и дом у меня рядом и обычно я хожу через парк, — грустно думал о мальчике. Попади он на приём к врачу-ортодоксу, а не ко мне, диагноз ему был бы обеспечен. Вверху у нас стационар, внизу — психотерапевт (я) и врачи, есть и патопсихолог, иногда спускающийся из стационара на первый этаж. И хорошо, если только вкатили бы обсессивный невроз, а не похуже. Никто из работающих со мной шести медиков, закреплённых каждый за одним из шести районов нашего небольшого Кудринска, никогда не читал Кемпинского, честно написавшего, что к психиатру чаще всего попадает не больной, а наиболее слабый член семьи. Слабый не энергетически — я

вспомнил прямой, как стрела, взгляд мальчика, — а слишком восприимчивый, сенситивный.

А я попал в эту область медицины по той же причине, по какой усталая молодая женщина, работающая в ателье, привела на приём ко мне своего мальчика. Мой любимый дядя-художник, родной брат моего отца-военного медика, погибшего, когда мне было пять лет, в Афгане, покончил с собой. Одна трагедия отозвалась другой. Я тогда учился на третьем курсе вуза и решил разобраться, что к роковому поступку привело: только ли бандитское время, как называл девяностые школьный учитель истории, или у нас в роду есть какой-то генетический рубец от очень давней раны. И на этом рубце мой дядя споткнулся.

Сам я споткнулся на любви, однако, если и получил травму при падении с вершины грёз, то, к счастью, не смертельную. И одиноким остался не потому, что оказался однолюбом, мечтающим о встрече лет этак через тридцать с той, что отвергла в юные годы. Все сентиментальные истории, скроенные по одним лекалам, явно не для меня... Девушку, когда-то отказавшую мне, я бы встретить сейчас не хотел. Зачем? Девушка утратила телесную красочную плотность и чёткость обрисовки, даже её улыбка исчезла с фотографии, которую я без сожалений отправил в корзину. И только куда-то заброшенное письмо, написанное от руки, иногда вспоминалось и, на минуту смещая фокус моего восприятия, искажало прямые очертания квартиры, образуя неровный овал провала среди прямых линий. И я знал, что провал возникает там, где должна была стоять и светиться солнечная лампа счастья.

Впрочем, иногда возражал я самому себе, кто обещал тебе счастье? И заслужил ли ты его?

Однажды мне показалось, что я увидел её: в окно автомобиля, остановившегося на светофоре, смотрела женщина, очень похожая на неё. Неприятное ощущение в солнечном сплетении — единственное, что я испытал. Узнать о любом человеке в нашу эпоху несложно: но я ни разу не вбил в поисковике её имя-фамилию. Да и наш городок не так велик, чтобы не обнаружили знакомые через четыре-пять рукопожатий. И, тем не менее, я живу с чувством, что разведённый мост застыл, отдалив навсегда наши берега, и мы с ней давно существуем в разных реальностях, и, если реку переплывёшь на лодке, окажешься среди призраков.

Несмотря на захват бизнесом центральных улиц, мой переулок остался тихим, случайно превратившись в зелёный оазис, где отдыхает караван времени, и потому без дополнительных усилий мне удаётся сохранять интровертные границы своего берега. Но признаюсь: в тот вечер, когда в окне машины мне привиделась та женщина, призраки с той стороны сумели проникнуть в мой дом. И первым возник мой дядя-художник, застрелившийся в дачном доме августовской ночью из ружья деда-лесничего. Я любил дядю и неосторожно впустил его призрак. И за ним беспрепятственно влетело ещё несколько, а среди них — Кира. Ведь именно в мастерской дяди мы познакомились с ней. Она была старше меня на три года и училась в педагогическом на факультете, где готовили учителей рисования, там преподавал мой дядя, а я — в выпускном классе школы. Узнав про юбилей преподавателя — с пятидесятилетием его вяло поздравили в нескольких местных СМИ, — студенты нагрянули в мастерскую. Я понимал, что дядя

бедствует: слишком честный, не имеющий деловой хватки, испытывая отвращение к саморекламе, он с трудом растягивал на месяц институтскую зарплату. Деньги за какую-нибудь проданную работу перепадали редко. Но при нём был талант, и потому вокруг него, словно вокруг дачного фонаря, вилась мошкара слухов. И один, по-комариному навязчивый, долетел до меня: художник Юрий Бурин соблазнил студентку. Как же так, поразился я, почему-то сразу обвинению поверив, а как же его жена, такая хорошая отзывчивая женщина? Я всегда считал её тоже родной, и горячие блинчики, края которых она украшала вкусным хрустящим орнаментом, помню до сих пор. Обидевшись за неё, я наивно решил, что прибегу в мастерскую, расспрошу дядю обо всём, и он мне, конечно, ответит.

Среди своих пейзажей и портретов, люди на которых при вечернем освещении казались более живыми, чем он сам — бледный, с тёмными кругами под глазами, дядя пил в одиночестве кагор, приносимый ему диаконом из местной церкви Преображения Господня. И на мой рассказ о вьющемся вокруг него неприятном слухе отреагировал странно: хрипловато засмеялся. А как же тётя Соня, глупо спросил я.

— Соня? Её родня уехала, и уговаривают её тоже...

И в этот момент раздался звонок в дверь мастерской.

— Открой, — попросил дядя.

Студенты шумно, перебивая друг друга, поздравили дядю с юбилеем, достали конфеты и пирожные. Потом, под кагор — дядя пошутил, что в мастерской случайно оказался винный погребок «для своих» — завязался разговор об институте, перспективах профессии, о местных выставках. Я не очень вслушивался, меня уже притянуло и не отпускало лицо Киры. Я смотрел на него, как смотрят в костёр, постепенно вовлекающий в свой магический танец огня. Она тоже глянула на меня пару раз — скорее с удивлением, чем с интересом. Меня притягивала она, а её — немолодой худощавый не сильно красивый человек с тёмными кругами под глазами — художник. Позже она в разговорах со мной звала его не иначе как Мастером, наверняка видя себя булгаковской Маргаритой.

После гибели любимого безутешная Кира, наконец, обратила свой взор на его племянника, став моей первой женщиной. Наши отношения длились полтора года, пока боль потери не утратила интенсивности и, затуманенная ученической кистью, не обратилась в набросок, пообещавший Кире, что главная картина жизни ещё впереди. Хотя их имена по-прежнему иногда трепыхались, как бледные мотыльки на кухонных сквознях — кто-то даже обвинил её в доведении художника Бурина до самоубийства, — Кира меня бросила. До сих пор помню слова из её письма: «Моё чувство к тебе — всего лишь отражённый свет. Такой свет не греет». Возможно, я и сам любил Киру только потому, что её любил мой дядя, мой кумир. Как Василий Розанов — Аполлинарию Суслову.

Он ворвался в мой кабинет без стука и, разумеется, не по очередному сигналу вызова.

— Моя фамилия Вересков!

— По-моему, вы не записывались на консультацию?

— У вас вчера были моя жена и сын!

Поскольку приём пятницы заканчивался, и коридор уже опустел, я отнёсся к его появлению максимально лояльно. Как-то один толстяк пошутил в соцсети: «Меня легче перепрыгнуть, чем обойти». Здесь был аналогичный случай: легче выслушать, чем выставить. По его одежде — он явно был не равнодушен к моде и даже стилю — и по тому, как, небрежно откинув кудрявую прядь со лба, пробормотав «Разрешите?», он рывком отодвинул стул для посетителей к середине комнаты и тут же уселся на него, закинув ногу на ногу, стало понятно: рабочая среда не его родовая плацента. Скорее всего, попал он в слесари из-за собственной лени: о профессии упоминала мать мальчика, общающегося через пушинки, — его жена. В отличие от неё, выглядевшей замотанной и усталой, Вересков производил впечатление человека, не отказывающего себе в отдыхе и удовольствиях. Живой, нагловатый, самоуверенный. Сейчас он явно кипел негодованием, усилием воли не давая потоку слов выплеснуться. Молча ждал, пока я, выдержав паузу, поинтересуюсь, что заставило его ко мне явиться.

— Что заставило? — повторил он, и тут же самообладание оставило его: — Заставила ложь моего сына Митьки! Вы уже успели к прокурору обратиться?! Заявление на меня написали?!

— Как мне кажется, вы перепутали инстанции, — сказал я, скрыв недоумение. — Я — психотерапевт, а не следователь.

— Так этот же... этот же недоумок вам, конечно, заявил, что я убил его любимого дядюшку! Поклёп! Гнусный обман! Вся их семейка — психи, и брат моей жены такой же. Психическая энергия и всё такое. И Митька в них! Вы же видели, ему всё мерещится! Пушинки, блин, снимает отовсюду! Чёрную грязь ищет! И нашёл — на мне! Прямо обвинил меня в преступлении! Начитался Шерлока Холмса после кинушки и вообразил себя великим следяком! Я ему сказал: не суй свой глупый нос во взрослые дела, а то я тебя самого засуну куда подальше, чтобы ты заткнулся навсегда! Не твоё дело, говорю, лезть, куда не надо, дядька твой передал мне по дарственной собственность — свою однушку... — Так вот откуда растут фобии мальчика, понял я. — ...так я же и кормил-поил Федьку, когда он не работал, а он — то работал, то нет, стишки пописывал и философскую книгу какую-то сочинял, а вы же как специалист понимаете: где стишки и философия, там всегда придурь или, того хуже, свёрнутая психика. Вот братан жены и съехал.

Подумав, что нет никакого смысла опровергать его примитивные взгляды, я спросил:

— Вы предложили передать квартиру вам?

— Не следователь! А вопрос прямо из их репертуара!

— Видите ли, по вашим словам трудно понять, почему Митя вас обвиняет. Если Фёдор, решивший, что его призвание — творчество, сам предложил вам такой вариант с дарственной на квартиру, это одно...

— А если я его к этому склонил, значит, Митька прав?! — заорал он и вскочил со стула.

— Вы написали уже прокурору?!

— Ваш сын мне ничего не говорил.

— А моя жена?!

— Я не имею права раскрывать содержание консультации, могу только заверить вас, что в преступлении ваша жена вас не обвиняла.

Вересков глянул на меня, недоверчиво приподняв брови.

— Её брат выпивал?

— Нет. Не пил и не курил.

— Так отчего...

— Отчего у него дома компанию я собирал, вы это хотите спросить? Про гулянки уж точно супруга настучала, это её больное место. Он сам нас приглашал, сам, можно сказать, зазывал...

— От одиночества?

— Нет, не только... Завиральная теория у него была... Искал себе испытаний... Но это к делу не относится. — Вересков, нахмурившись, плюхнулся на прогнувшийся пластиковый стул, отчего тот грустно присвистнул. — Если они к вам опять придут, знайте: вся семейка с поворотом в мозгах. Их мать — она сельской учительницей была, её в деревне ясновидицей и знахаркой считают, травами лечит, заговоры знает, у-чи-тель-ница, блин! Эпоха цифровизации, а мракобесие полное! И Фёдор верил, что у них эти дарования потомственные, от какого-то предка-волхва, который чуть ли ни при Петре Первом жил. Я жене говорю: что ж твой ясновидящий брательник не избежал смерти?

Вересков скривился, скрыв то ли усмешку, то ли гримасу осуждения.

— А что она?

— Плачет и молчит.

Я глянул на электронные часы, висевшие на стене. Он понял намёк.

— Пойду. А вам... — он поднялся, пошарил в кармане, достал белый конвертик, протянул мне. — Спасибо, что выслушали.

— Уберите, — сказал я, — ничего не нужно.

— Понятно, видео наблюдение, — он тут же засунул конвертик обратно в карман пиджака, поднял голову, поискав глазами спрятанную камеру. — Пусть контролёры запишут: в моём конвертике был всего лишь билетик в кино.

Собственная реплика рассмешила его, и со смешком он и вышел из кабинета. Я не сомневался, что вернётся домой он уже сильно поддатым.

В отличие от мужа, Верескова официально записалась и оплатила вторую консультацию. Когда она вошла в кабинет, я обратил внимание, что униженность в ней сменилась решительностью. По её опухшему лицу было видно: она плакала, плакала много и долго.

— Митя ждёт меня в коридоре, — сказала она. — Я пришла, потому что боюсь за него. Муж пьёт, а когда он пьёт, то становится злым, от него чего угодно можно ожидать. Обвиняет нас, что мы его сдали, особенно на Митю кидается, ударил его сильно, когда сынок ему экран загородил. Муж обычно, если дома пьёт, а не в компании, водку хлещет перед телевизором. И всё время кричит, что Митя спрятал тетрадь моего брата с записями, требует вернуть, грозит, что, если не вернёт, он его...

— Что-то серьёзное писал?

— Не знаю. Митя говорит, Фёдор какое-то открытие сделал, для человечества важное. Наверное, там как раз об этом. Может быть, Митя расскажет, он вчера мне сказал, что вам доверяет.

— Сейчас мода такая — на глобальность. Что в компьютерных играх, что в романах. А Евангелие нас учит: не о человечестве нужно думать в первую очередь, а возлюбить своих ближних. Человечество с них начинается.

— Мой брат был добрый, — сказала она тихо. — И Митю очень любил. Наверное, для него и придумал сказку. А муж поверил, решил: можно продать. У него только это на уме, главное его слово — «бабло». Всю душу из нас уже своей жадностью вытряхнул! Разошлась бы с ним, да как оставить сына без отца? И жить негде, — всё ведь мужнино. Квартиру брата он продал, чёрный седан себе купил, а теперь бизнес решил затеять... Может, и не прогорит, он хитрый.

— А чего касалось открытие вашего брата?

— Это Митя может рассказать. Боюсь я за его жизнь, дважды приходил приятель мужа, он и сговаривает бизнесом заняться, и тоже Митю жёстко пытал: где тетрадь Фёдора, и угрожал мне. Приятель с криминалом был связан, а, может, связан и сейчас.

Она заплакала, достала бумажный платок, вытерла щёки, но слёзы всё текли и текли.

— Буквально не знала, что делать, вчера решила: пойду к вам за помощью.

Слова её перебивались отрывистыми свистящими всхлипами, вырывающимися из груди, точно из неисправного крана. Похоже, у неё неполадки с бронхами.

— Чем я смогу помочь?

— Не могли бы вы Митю спрятать? То есть поместить в какое-нибудь отделение больницы... Вы же вчера сказали, у него невроз... А где он, я мужу не сообщу, а потом опасный период пройдёт...

— А ваш мальчик хочет, чтобы я его спрятал таким образом?

— Знаете, — она посмотрела в окно, и в её больших серых глазах отразились пробежавшие по стеклу блики, — моя мама говорит так: если нужно сохранить жизнь, о способах сохранения не думают. Другого варианта у меня просто нет.

Мы договорились, что мальчика поместят в подростковое отделение больницы. Заведующей я обрисую ситуацию и предупрежу, что никому, в том числе отцу и его приятелю, никакой информации не давать. Заведующая — моя близкая приятельница Лена, Елена Викторовна, она поймёт. У неё в отделении сын Вересковой будет в абсолютной безопасности.

Верескова подошла к двери, приоткрыла её и позвала:

— Митя!

Мальчик вошёл, поздоровался и встал, ухватившись за спинку стула, на котором до этого сидела мать. Держась за вещь, удерживается от слёз? Боится упасть в моих глазах? Или всё-таки подавляемый страх лишает его равновесия?

Не знаю, замечали ли вы, как меняется лицо человека, которому вскоре грозит смертельная опасность, к примеру, его машина попадёт в аварию, — в лице проступает какое-то отчуждение. Напрашивающееся сравнение с маской грешит неточностью, изменения тоньше: живое лицо будто начинает исчезать, превращаясь в собственную копию, в аватар. Для меня, которого Лена зовёт «диггером подсознания», карта лица — необходимый инструмент. И сейчас, читая карту лица мальчика, я увидел явственно: Верескова не преувеличивает, её сыну грозит витальная опасность.

— Вы говорили с моей мамой о тетради, — сказал он, не выпуская из худеньких пальцев спинку стула.

Верескова тревожно глянула на меня, наверное, опасаясь, что я обвиню мальчика в подслушивании.

— И решили, что дядя придумывал для меня сказки, — мальчик тяжело, не по-детски, вздохнул. — Там не сказка, там очень важное открытие. Специально на бумаге, потому что бумагу можно надёжно спрятать, а цифровой след нельзя.

Он расстегнул молнию летней ветровки, достал толстую тетрадь.

— Вот она. Дядя мне передал сообщения через пушинку...

— Господи! — выдохнула Верескова.

Так, — отметил я, — придётся предупредить мальчика, чтобы о сообщениях-пушинках он молчал. Лена, конечно, друг, но верит старым учебникам Снежневского, по которым в советские годы врачи клеймили карательными диагнозами несогласных, часто вполне искренне веря, что поступают правильно: мол, нормальный человек движим исключительно чувством самосохранения, а не поисками мифической справедливости... И предупрежу Лену, чтобы не сильно усердствовала, а то наемся позже, когда придётся снимать диагноз, который она для страховки поставит.

— И что в этом сообщении? — спросил я, мельком подумав об Авиценне, вылечившем от депрессии юношу отнюдь не снадобьями, а всего лишь сказанной умной фразой.

Напомню: юноша голодал, потому что хотел умереть. От голода он стал представлять себя коровой, отданной на заклание. Абу Али ибн Сина, выслушав несчастного, сказал: «Корову перед закланием очень хорошо кормят, чтобы нарастить мясо, а ты оголодал до костей». И юноша стал усиленно питаться, — от хорошей пищи повысилось его настроение и захотелось жить. Депрессия ушла.

— Дядя просил передать записи вам, чтобы вы сразу отвезли тетрадь моей бабушке. Она живёт в деревне Глушково.

— Так я же могу отвезти! — воскликнула Верескова.

— Нет, дядя передал, что он доверяет только Андрею Андреевичу.

Мои данные: фамилия, имя, отчество, — значатся на двери кабинета. И, честно говоря, при другом раскладе событий я бы не преминул иронично отметить осведомлённость о них покойного. Но сейчас я видел бледное лицо мальчика, уже казавшееся мне исчезающим, отчего было не до иронии. Моё сердце защемило и, точно на экране, засветилась в сознании строка: я обязан мальчику помочь, обязан выполнить его просьбу, независимо от её источника.

— Хорошо. Завтра у меня выходной. Я отвезу тетрадь твоего дяди.

— Мне, наверное, лучше поехать с вами, — робко предложила Верескова, она так и стояла возле двери. — Отпрошусь в ателье. Иначе вы заплутаете: от станции нужно ещё полчаса идти мимо леса, там три тропы, многие путают.

— А мне разрешено записи твоего дяди прочитать? — я посмотрел на мальчика и отметил, что живое лицо его возвращается.

— Я спрошу у него. Думаю, он разрешит. Вы поймёте, как всё это важно. Он писал про бессмертие.

Признаюсь, слова мальчика меня разочаровали: открытие отдавало сетевым масскультом и спекуляциями, щедро монетизируемыми стареющими миллиардерами и политиками.

Я возвращался домой по аллее парка, грустно размышляя, что, без сомнения, Фёдор Баклаш (свою родовую фамилию мне успела сообщить Верескова) всего лишь очередная жертва популярных ныне трансгуманистов, обещающих перенести сознание на посторонний носитель и тем сделать человека бессмертным. Их механистический подход мне совершенно чужд: я погружаюсь в душу собеседника, а порой ощущаю прозрачные потоки души мира, меняющей форму и то исчезающей, то вновь проступающей невидимым покровом над Землёй и над моим Кудринском. И о своей душе — тоже кое-что знаю. В определённом смысле я — мистик. И верю одному русскому мыслителю XIX века, дом которого, кстати, сохранился в Москве на Арбате, что мистика отражает непознанное...

Вспомнился мне сейчас и эликсир вечной молодости Сен-Жермена, и древние цари, окружавшие себя прелестными девушками, надеясь подпитаться их весенней силой, и

каннибальские средства омоложения из «биоматериалов» прерванной беременности, и фанатики 20-х годов прошлого века, считавшие, что продлить жизнь можно переливанием юной крови: один такой экспериментатор погиб, проводя опыты на себе... Возможно, все эти попытки, иногда откровенно бесчеловечные, что-то и отражали, но опять же — минимально. Бессмертие ускользало.

Прогресс науки приближает нас к возможности жить как минимум 150 лет, сказал мне как-то один наш врач, фанат Курцвейла, вы, конечно, знаете про китайские таблетки? А знаете про наночастицы, запускаемые в кровь? Они станут ремонтировать организм на уровне атомов, причём управлять ими будут дистанционно! Вместе с интерфейсом мозг-компьютер наночастицы смогут продлевать человеческую жизнь до бесконечности.

Щёки врача горели румянцем, точно по его венам уже побежали всесильные крошки-мастера ремонта

— Управляемые дистанционно, — переспросил я, — кем?

— Детали — не главное... Прогресс науки — вот что прекрасно! Цифровое воскрешение! Вы же читали философа Фёдорова, он предвидел.

Разве тайна бессмертия не скрыта в признании «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживёт...», подумал я, вспомнив тот давний разговор. Какую другую тайну мог раскрыть Фёдор Баклаш, тетрадь с записями которого я положил в свой портфель?

Да, забыл сказать, что я позвонил в стационар Лене, и тут же нарисовавшиеся два коренастых медбрата увели мальчика в отделение. Воспринял он необходимость спрятать его от охотников за тетрадью без энтузиазма, но, как принято у нас в среде говорить, адекватно. Только сильно побледнел. Наверное, не стал противиться неприятному решению потому, что самым важным для него было сообщение-пушинка от дяди, почему-то посчитавшего, что мне можно довериться... Всё-таки Авиценна был гениален.

— Только о пушинках ты в отделении никому не сообщай, — предупредил я мальчика.

— Вы за дурака меня считаете?

— Конечно, нет.

Он печально улыбнулся.

...Недавно пролетел короткий ливень, и в парке почти не было посетителей. Листва казалась помолодевшей, асфальт центральной аллеи подсыхал на августовском солнце, посверкивали лужи в углублениях соседней дорожки, посыпанной тёмно-жёлтым гравием. Озоновую свежесть радостно впитывала в лёгкие семейная пара, активно орудующая ещё влажными финскими палками. Встретилась одинокая девушка с мокрыми волосами, видимо, забывшая дома зонтик и попавшая под ливень. Девушка глянула на меня, я — на неё, и почему-то вспомнилась Кира, особенно отчётливо тяжёлый для меня момент прощания. Зачем я приволокся к институту, где она первый год преподавала, и пошёл её провожать, до сих пор не понимаю, ведь все надежды уже были убиты её письмом. Наверное, я надеялся произнести какие-то слова, способные в её душе поместить и мой образ среди привлекательных иксов, намекнув на что-то не угаданное ею во мне,

обещающее пряники или даже трюфели её грёзам. Но я молчал. И, выхватив у меня папку, тоже молча, Кира запрыгнула в подошедший автобус... Признаюсь, в юные годы я был робок. И сейчас, несмотря на профессию, не избавился окончательно от этой стыдной особенности моей слишком чувствительной психики. И когда внезапно, свернув с мокрой дорожки на аллею, прямо ко мне резко направился мужчина в светлом костюме, сердце, ёкнув, подтвердило: не избавился. Мужчина остановил меня вопросом:

— Не подскажете, как выйти из парка к отделению полиции? Прямо сейчас у меня украли кейс с документами и телефоном.

— Подскажу.

Я стал объяснять, по какой улице он дойдёт до полиции скорее.

— Рядом с центральной площадью белое здание буквой Н.

— Я не местный, приезжий, — мужчина растерянно развёл руками, — не посчитайте за труд показать схему: как пройти, куда свернуть.

Достав смартфон, я поставил портфель на скамейку и, открыв «навигатор», повернулся к скамейке спиной. Мужчина внимательно изучал карту и вдруг вскрикнул:

— Ваш портфель!

Я оглянулся: скамейка была пуста, а с моим портфелем в руках убегала девушка. Та самая — с мокрыми волосами, недавно встреченная мной на пустынной аллее. Свернув с центральной дороги, девушка скрылась в кустах.

— Нужно догнать мерзавку! — мужчина с моим смартфоном в руках рванул за ней по аллее.

То, что я стал жертвой инсценировки, до меня дошло сразу, едва искавший полицию исчез в тех же кустах, что и девушка. Конечно, неприятно ощущать себя глупцом, однако ни о портфеле, ни о телефоне жалеть не стоило. Дома у меня есть гаджет новее. Вместо паспорта я смартфон не использую, контактов ни моих, ни пациентов в его памяти не держу, онлайн-банком не пользуюсь, — у меня офис банка через дорогу, проще пойти и всё решить там. Пропажу портфеля, пусть не дешёвого, я тоже в драму не возвёл. И хотя у меня со старой вещью иногда возникает невротическая связь, точно за время использования в неживой предмет переселяется частичка меня самого, портфель, купленный со скидкой в одну из «чёрных пятниц», не успел дотянуться до моей души невидимым хоботком: я часто бросал его в кабинете, шёл домой налегке и родственных отношений с ним не возникло. Ни наличных денег, ни документов в нём не было. Я чувствовал себя прескверно не из-за украденного и не из-за того, что оказался облапошенным лохом. Портфель я взял с собой, чтобы положить в него тетрадь Фёдора Баклаша. В любой момент вновь могли налететь летние дождевые тучи, потому я решил, что нести в руках бумажную тетрадь, не стоит. Мальчик доверил мне то, что считал самым важным, самым ценным, а я... Тетрадь — наш с мальчиком секрет. Обратиться в полицию не смогу. Позвонить Вересковой не смогу тоже: мы с ней договорились пока не

пользоваться телефонной связью, чтобы не заинтересовался нашим контактом её супруг. Завтра утром мы встречаемся с ней на вокзале, чтобы ехать в деревню.

Вернувшись домой, я заблокировал номер украденного телефона и некоторое время раздумывал: нужно ли сообщить мальчику о краже. Переживал я, конечно, не из-за тетради: записи Баклаша не казались мне значимыми, я заранее отнёс их к фантазиям, — а только из-за мальчика. Как рассказать ему о пропаже? То, что я упаду в его глазах, не велика беда, меня пугала его реакция: как сможет он перенести это известие? Не вызовет ли стресс психогенную реакцию?

Смеркалось. Из окна потянуло свежестью, а затем — запахом сигарет: курил сосед сверху. У Лены сегодня ночное дежурство. Конечно, тоже курит и забивает подступающую сонливость бесконечным кофе.

— Я как раз сама хотела тебе позвонить, — сказала она. — В принципе, с мальчиком всё неплохо, я думала, будет хуже. Он вечером немного поел, ты в теме, еда у нас не для гурманов, хотя и сытная. На ужин давали кашу, кефир, две оладьи, правда, резиновые... — Лена хмыкнула. — Дело в другом, меня насторожило, что он несколько раз подходил ко мне и просил передать тебе какую-то глупую фразу, боюсь, не манифестация ли это галлюцинаторного бреда, видно было, что у него зашкаливает уровень тревоги, ну, препараты я назначила ему ещё днём, теперь он спит...

— Какую фразу? Ты запомнила?

— Конечно! Он меня этой просьбой просто достал! Фраза смешная: «Я вижу тетрадь в парке в кустах».

— Лена, забудь про бред, — взволнованно сказал я, — мальчик нормальнее нас с тобой, а уж наших коллег и подавно. И не трави его фармакологией. У меня сегодня в парке украли портфель, в нём была одна тетрадь, видимо, вор выбросил её как ненужную...

Лена отреагировала на мои слова вполне предсказуемо.

— Ты же знаешь, — усмехнулась она, все экстрасенсы — потенциально наши пациенты.

Я не люблю спорить и не стал опровергать этот профессиональный перегиб. Промолчал не из симпатии к Лене или обычной вежливости, а ради мальчика: Лена может обиду на меня неосознанно перенести на него.

Взяв фонарик, я побежал в парк. Сейчас понимаю, каким мизерным был шанс найти тетрадь в темноте. В тот вечер меня буквально вела чья-то невидимая воля. Фонари в нашем городе зажигают летом поздно, в десять вечера, а выключают в полночь — и центральная аллея парка была освещена: неярко, но вполне достаточно, чтобы разглядеть тот поворот, за которым скрылась с моим портфелем длинноволосая девушка, а затем и её собрат по отъёму чужой собственности. Обогнув целовавшуюся на скамейке парочку, я шагнул в кусты и достал из кармана джинсов фонарик. И ещё не успел включить его, как внезапно по траве побежало светлое пятно лунного света, покружило, выхватывая из тьмы листву, и погасло. словно под гипнозом, я шагнул к тому кусту, где остановился лунный

свет, наклонился, включил фонарик, и его луч выхватил из тьмы лежащую в траве тетрадь.

Утром с тетрадью в рюкзаке я стоял на вокзале, ожидая Верескову. Она подошла за пять минут до отхода пригородной электрички. Я заметил, что она подкрасила губы и как-то ярче, чем до этого, оделась: блуза с раскиданными по ткани бледными розами, шипы которых соединялись в узоры из знаков сложения и умножения, напомнила мне иллюстрацию из недавно прочитанного трактата о братстве розы и креста. Чёрные брюки, лёгкие и укороченные, открывали стройные щиколотки. На ногах замшевые туфли без каблука вместо кроссовок, более уместных в поездках за город. Мы сели друг против друга, поезд слегка качнулся, вздрогнул и оправился по своему обычному маршруту.

Когда-то я любил поездки по железной дороге: каждый полустанок напоминал про сад расходящихся тропок, казалось, стоит выйти на незнакомой станции или случайном полустанке, и начнется другая моя жизнь, возможно, именно в ней я встречу двойника Киры и всё сложится иначе. Нет, я не однолюб, просто Кира совпала с каким-то внутренним образом, запечатлённым в моих генах. Вероятно, кто-то из моих прадедов всю жизнь любил женщину, похожую на неё... С течением времени сад сужается, отсекая одну тропу за другой, станции становятся всё более скучными, уже не скулящими перемен, пассажиры на перронах отталкивают явственным налётом бытовой суеты, и лишь худенький мальчик, стоящий у одинокого домишки на полустанке, глядящий вслед поезду, вызывает в душе томительный отзвук романтической мечты — о побеге за горизонт судьбы. Да была ли у меня вообще мечта, иногда спрашиваю себя. Часть жизни я потратил на то, чтобы «расколдоваться», — так сам для себя называю освобождение от вручённого мне родным дядей драматического сценария: насильственные смерти уже случались в нашем роду. Мне удалось найти рубец давней трагедии, ставшей истоком повторяющейся пьесы с плохим концом. В 1915 году мой прадед, мелкий чиновник, будучи женатым, совратил девушку-горничную. Она забеременела и покончила с собой на чердаке его дома. Прадед испытал сильнейшее чувство вины и, попав, будучи пятидесятилетним советским бухгалтером, под колесо репрессий, посчитал арест и тюремные пытки, искалечившие его, заслуженной карой, на которую обречены мужчины нашего рода. Он писал об этом в своём дневнике незадолго до смерти. Возможно, история с Кирой — тоже отсроченное возмездие за смерть той несчастной девушки. Ведь ещё одну часть жизни мне пришлось потратить на изживание любовной неудачи. Вернись я сейчас в свои восемнадцать лет, не отягощённый дурным семейным сценарием, по каким рельсам полетела бы моя жизнь? К какой мечте? Впрочем, я занимаюсь тем, что мне интересно: познаю человека. И себя, и другого. Изначальные условия моей судьбы были подобраны таким образом, чтобы я, освобождаясь от родовой кармы, научился не только блуждать по улицам и переулкам подсознания и, останавливаясь на берегу неосознаваемого, вслушиваться в гул океана, пытаюсь различить голоса ушедших, но и попытался выйти на тайну человеческой психики. Вы вправе спросить: подобраны кем или чем? Не знаю. И вряд ли записи Фёдора Баклаша помогут найти ответ, хотя то, что встреча с мальчиком, который уверен: пушинки — это послания, — для меня не случайна, я уже понял.

Неторопливый бег электрички и образовавшаяся пауза времени невольно располагали к откровенной беседе. Я спросил Верескову о её матери, и она рассказала, что в деревне отношение к бывшей учительнице сложное. С одной стороны, местные приходят к ней как

к знахарке, она многим помогла, потому что от своей бабушки получила знания о целебных травах, о силе доброго молитвенного слова, приезжают даже из дальних сёл, с другой...

— В колдовстве обвиняют?

— Да, было такое, есть среди местных те, что подвержены суевериям. — Верескова взмахнула рукой, словно отгоняя муху. — Завистливая соседка доносы строчила местному начальству, один приходил к маме, получив донос, да только не ругать её приходил, не разбираться, а с просьбой помочь ему оформить в собственность закрытый магазин, ты, говорит, Прокофьевна — мать мою Юлия Прокофьевна зовут, — умеешь с потусторонними силами общаться, попроси их мне помочь. Мама смеялась, мне рассказывая, говорит, ох, уж до чего народ наш доверчивый. А потом, когда он магазин на себя оформил, подарок маме принёс.

— То есть помогла?

— Объяснила мне иначе: он поверил в удачу, вот у него всё и получилось. Благодарный человек оказался.

— А завистливая соседка?

— Умерла года полтора назад. Так её родственники, которых она против мамы настроила, слух пустили, что училка старая из мести соседку на тот свет отправила. Племянник подкараулил маму у магазина, побить решил. Нравы теперь такие: самосуд в чести, а до областного суда не доберёшься, да и кто там станет с такими глупыми обвинениями разбираться, к тому же судьям люди давно не верят.

— Обошлось с племянником?

— Обошлось. Только он скандалить начал, продавщица из магазина выскочила, говорит, ты чего на святую женщину напраслину наводишь! Мама детишек продавщицы Зои не раз лечила, врача в деревне нет, здоровые выросли, старшей дочке восемнадцать, школу в этом году окончила, глаз не оторвать, русская красавица, а кому из парней она будет нужна? Нищие теперь лишние.

— Вы про конфликт не досказали.

— Он тогда на Зою замахнулся, когда та заступаться стала за маму. Зойка в крик. Тут грузчик выскочил... В общем, племянник от мамы отстал. Дом соседки продал, она бездетная была, и с концом. Может, он от природы-то неплохой парень, тётка родная ему мозги замутила. Кто-то говорил, он теперь в контрактники подался.

— А ваша мама в деревне родилась?

— Она дочь сельского учителя, а её прадед до большевистской власти университет окончил. Жена его, то есть мамина прабабушка, была дочерью учителя гимназии. Их сын, мамин дед, тоже преподавал, погиб в Отечественную... Весь ум нашего рода брату Фёдору достался. Мы с ним школу в городе окончили, у бабушки жили. Он легко учился, помню, узнав, что их школьного отличника репетитор натаскивает, спросил: репетитор? Кто это?

Зачем? Он сам друзьям алгебру объяснял, задачки по физике за них решал, а какие сочинения писал — учительница говорила: второй Достоевский растёт.

Вот и в тетради, наверное, какая-нибудь «художественная теория», подумал я.

— А я по дурости институт бросила и, опять же по дурости, замуж выскочила, влюбившись в отца Мити. Муж мой красивый, а я — невзрачная, со школы комплексовала. Может, некрасивая оттого, что, когда махонькая была, недоедала, на фото глянуть — ну прямо дитя подземелья, как в рассказе Короленко. Отец нас бросил, не захотел жить в селе, уехал в город, там женился, он физик... И не помогал нам. А маме сначала зарплату перестали платить, вскоре школу закрыли в деревне, огородом-то не сильно умела она заниматься, а в девяностых ради маленьких двоих детей пришлось. На серой картошке я серой такой и выросла.

Не хотелось прерывать её исповедь, и я решил чуть позже произнести что-то одобряющее, как бы случайно отметив, что она вполне приятная внешне.

— А муж и тогда был модник, язык у него здорово подвешен. Лодырь только, оттого и с учебой был не в ладах. Хотя способный, к примеру, сейчас круто английский знать, так он за месяц болтать научился. — Верескова грустно усмехнулась. — Меня мама отговаривала, подожди, дочка, не спеши замуж, присмотришься, а я боялась: останусь одна... Нет у Геннадия отцовского чувства к Мите. Денег на сына жалеет. Всё бы ему тратить только на себя. И Фёдора он не любил.

Много позже, читая записи Фёдора Баклаша, я нашёл у него рассказ о том, как на столе преподавателя, предпочитавшего экзаменовывать студентов по старинке, падал внезапный свет именно на тот билет, по теме которого Баклаш хотел отвечать. Фёдор объяснял такое высвечивание не случайным совпадением (аналогичных случаев он перечислил несколько), а чисто субъективно: сильнейшей своей концентрацией на любимой теме. Такая концентрация, по его мнению, собирает энергию головного мозга в один пучок, способный испускать свет. Не знаю, можно ли проскользивший по кустам и траве лунный овал соотнести с моим сильнейшим желанием отыскать тетрадь, однако факт остаётся фактом: без подсказки света я бы записи не нашёл.

— Зайдём в магазин, — сказала Верескова, — куплю маме печенье да конфет, с собой из города взяла пирожки, правда, не свои, из пекарни. Не знаю, Зойка там сейчас или её сменщица Валя. Я с Зойкой в детстве дружила, как-то за волосы из воды её вытянула, у нас за деревней купальня — речушка мелкая, а недалеко от берега водоворот, вот её, глупую, и закрутило. Валю тоже знаю, не местная она, то ли из Бурятии, то ли из Тувы, замуж за нашего электрика вышла и приросла к деревне.

Магазин был небольшой: полки с продуктами, сигаретами и алкоголем, расположенные слева, соседствовали с полками хозяйственных товаров: на них теснились пластиковые контейнеры, дешёвая посуда, кухонная утварь. Мы оказались единственными покупателями. Печенье, коробку конфет и две бутылки минеральной я оплатил, хотя Верескова и попыталась возразить.

— Зоя сегодня выходная? — спросила она продавщицу.

— Отпросилась, в город поехала насчёт колледжа для дочери, правила приёма проводить. В парикмахеры хочет Алинку определить, там деньги хорошие, работа приятная, не коровам хвосты чистить.

Деревня состояла из единственной улицы, за которой цветной тенью протянулись огороды. Ковылять за нами гуси, осевшие у магазина, не стали, не удостоили вниманием и пробежавшие деревенские собаки.

— Вроде зажиточный народ в деревне, — сказал я, рассматривая стеклопакеты на окнах и внушительные ворота.

— На огурцах и картофеле живут. Выращивают, а после приезжают кавказцы, всё скупают мешками — и на городские рынки.

Мы прошли половину деревни, не встретив ни одного человека.

— А ведь легка на помине! — внезапно воскликнула Верескова. — Долго будет жить, примета такая. Это Алинка.

Из калитки одного из домов вышла девушка. И, чем ближе она подходила к нам, тем нелепее казалось мне желание её матери пристроить дочь в парикмахеры. Высокая, статная и одновременно стройная, синеглазая, она шла спокойно и горделиво. Её густые светлые волосы позаимствовали очаровательные переливы цвета у пшеничного поля. Такую бы девушку не в обслугу, а в царицы, подумал я, вспомнив Некрасова.

— Алина, здравствуй, мы вот приехали с Андреем Андреевичем к моей маме, он доктор.

— Здравствуй, Ольга.

— Как дела?

— Да всё то же.

— К маме моей Зоя не заглядывает?

— Заглядывает, конечно. А сегодня рано утром твой муж к Юлии Прокофьевне приезжал, скандал устроил, буквально полчаса как уехал. С трудом упростили его приехать на той неделе и меня в город увезти. Там буду работать.

— А кем? Ты же классно копируешь картинки и шрифты, может, кафешки будешь оформлять? Профессиональные художники дорого просят за свою работу, а торгаши жадные, им проще нанять молодого и неопытного.

— Нет, пока в парикмахеры попробую. Они сразу курсы предлагают.

Алина улыбнулась и пошла дальше. И мне вспомнилась фраза из романа Юрия Олеши о прошумевшей ветке цветов и листьев.

Глядя на субтильную бледную Верескову, я представлял Юлию Прокофьевну худой сухой старухой с острым пронизывающим взглядом. А она оказалась полной пожилой женщиной с большой грудью. Глаза её, крупные серые, не пронизывали, а смотрели

мягко, с иногда мелькающими, едва заметными огоньками улыбки. Верескова успела мне рассказать, пока шли от станции по лесной дороге, что Юлия Прокофьевна за помощь денег не берёт. Ну, только если что-то из съестного принесут: парного молочка бутылку, банку сметанки или с десяток яиц. Огородик при доме был, возможно, больше для того, чтобы не сильно Юлия Прокофьевна отличалась от остальных жителей. А вот живности бывшая учительница так и не завела.

— Зачем Геннадий приезжал? — спросила Верескова, торопливо накрывая на стол. Движения её были неловкими, она уронила блюдо, как-то рывком открыла коробку конфет, споткнулась о ножку табуретки. Официантки бы из неё не вышло, подумал я, наверное, и швея она неважная. Физический труд — не её. Не свою жизнь живёт, оттого дробит пространство вокруг себя на острые углы. Юлия Прокофьевна, наоборот, точно создавала невидимые овалы, такая была в ней мягкость и плавность.

— Спрашивал, знаю ли я, где Митя. Я, конечно, как ты, Оля, просила, сказала, что не знаю.

— Озлился?

— Озлился. И ещё выспрашивал, не у меня ли тетрадь Фёдора. В которой он свою теорию изложил. У меня её нет.

— Юлия Прокофьевна, — я открыл рюкзак и достал тетрадь. — Митя просил передать вам. Только ни один человек не должен знать, что тетрадь у вас.

Pogrebok

Есть люди, не расстающиеся с прошлым: когда поезд их жизни набирает ход, друзья детства и юности не исчезают, а едут в этом же поезде, обосновавшись в соседних купе. Я, наоборот, не люблю волочить за собой воспоминания, самого близкого школьного приятеля встретив на улице, вряд ли теперь узнаю: тот пласт моей судьбы давно скрылся в тумане и кажется другой жизнью, о которой некто мне иногда что-то рассказывает. Разве это «что-то» — обо мне? Помните: «Лишь именем одним я называюсь»? Будь я решительнее, менял бы имя-фамилию, закрывая дверь за уходящим периодом жизни, как делал в древнем Китае тот, кто стремился воплотить без помех прошлого иное «я».

Именно поэтому телефонный звонок Киры вызвал во мне насадное недоумение: зачем призрак давней любви пытается вторгнуться на территорию сегодняшнего дня? Оказалось, что звонок деловой — и это сразу поместило Киру в настоящее как новое постороннее лицо. Я потребовался как психотерапевт. Не ей — её мужу. Звонила Кира на мой рабочий номер. Когда её «ты» задело край прошедшего, я, ощутив влажный холодок туманного дыхания, предложил тоном, не подразумевающим отказ: «Давайте обращаться друг к другу на "вы", иначе моя профессиональная субличность будет автоматически смещаться в ненужную сторону, что мешает аналитике».

— Хорошо, — согласилась Кира. — О моём муже вы, конечно, слышали: его фамилия Косорезов.

Жить в нашем небольшом городе Кудринске и не слышать о «косорезовщине» и о самом Александре Юрьевиче Косорезове практически невозможно. Это местный мистер Твистер, владелец заводов (в городе их два), газет (пять), пароходов (не знаю), принадлежащий к поколению зелёных сыновних побегов, получивших вотчины пожиже, чем «отцы» 90-х, взлетевшие на политическое небо, однако, вотчины вполне миллионные (не в рублях).

— У моего мужа пропали две очень дорогие картины, — сказала Кира, — они находились в одном из загородных домов.

— Простите, — усмехнулся я, — вам тогда не ко мне, а к следователю.

— Ты... Вы не дослушали! Следак и так уже работает. Картины Николая Рериха — подлинники, Александр получил их в подарок от покойной руководительницы одного из Алтайских рериховских центров. Муж в ужасном депрессивном состоянии, и дело не в стоимости, он сейчас выполняет важный стратегический заказ, который утерянные деньги с лихвой перекроет. Александр считает, что это не просто картины, а два ядра психической энергии, которой он подпитывался, и теперь он вскоре будет обесточен, тогда у него всё рухнет, в том числе и госзаказ.

— Признаюсь вам откровенно, мне не представляется возможным заниматься проблемами вашего супруга. Я вам дам телефон другого психотерапевта, и он...

— Нет! — перебила Кира. — Александр категорически отказывается от помощи ментал-специалистов! Другого психотерапевта я уже находила и предлагала ему. Причём знаменитого, столичного, консультации которого стоит почти столько же, сколько украденные картины. А ты... вы придёте в дом как мой старый друг... Оплату за вашу услугу гарантирую.

— Знаете, мне как-то неприятно расценивать свою помощь как услугу. Пожалуй, я от вашего предложения откажусь.

— Лучше мобильнее откажитесь от старомодных взглядов, — Кира зло засмеялась, — а то проходите всю жизнь в одном кожане, подаренном дядей-художником.

— Извините, наш разговор закончен, — сказал я и отключил связь.

Через пятнадцать минут Кира стояла в моём кабинете.

— У меня трое детей! — рыдала она. — Младшей, Еве, родившейся в Германии, всего восемь...

— В честь Евы Браун назвали? — съязвил я.

Слёзы Киры казались притворными, и её лицо, явно подвергнутое всевозможным косметическим процедурам, напоминало натянутую маску.

— Если Александр покончит с собой, пострадают дети. Ты... Вы не имеете право отказать в консультации. Вас признают виноватым в его смерти!

— Тогда оформите запрос на консультацию официально, — сказал я, не скрывая поднимающегося во мне раздражения, — укажите в заявке причину, адрес проживания супруга, ваши персональные данные.

— Сейчас схожу к вашему руководству и всё решу. Как зовут главврача?

— Игорь Иннокентьевич.

Кира стремительно вышла из моего кабинета, по коридору застучали её каблуки. Мне представились падающие озёрные утки, прошитые дробью. Как открутиться от... я споткнулся на имени той, которая... и закончил мысленный вопрос холодной констатацией статуса: от супруги господина Косорезова?

Набрал номер заведующей стационарным отделением и, когда Лена ответила, — поинтересовался, как себя чувствует мальчик, прибавив, что Вересков ищет его. Наверное, стоит дать отцу информацию, разволновалась Лена, иначе он обратится в розыск, что обещает нам с тобой неприятности. В любом случае Митя здесь в безопасности, отец не сможет причинить ему вреда. Если Вересков явится нетрезвым, сдадим его органам правопорядка.

— Решай сама.

— А так всё нормально. Мальчик повеселел, аппетит появился.

Наш разговор прервал звонок главврача.

— Андрей Андреевич, — сообщил он, — срочно необходима ваша консультация. Похоже, имеет место затяжной суицидальный драйв. Завтра, к десяти утра к вам подойдёт Косорезова Кира Леонидовна и всё объяснит. Вы поедете с ней. Психический кризис у её мужа.

— А если, Игорь Иннокентьевич, я откажусь?

— Это невозможно. Отказ подпадает под статью УК. Другого психотерапевта у нас нет, вы — единственный.

Перед уходом с работы я полистал электронный журнал и никаких данных ни о Косорезове, ни о Кире не обнаружил: запрос на консультацию в официальную информацию не был внесён, не значился он и в списке платных консультаций.

...Поздно вечером, бегло просматривая новости, я неожиданно наткнулся на заметку о местной рериховской организации, отметившей сорокалетний юбилей. Среди упоминавшихся её членов фигурировал Фёдор Баклаш. Вряд ли могла быть связь между Косорезовым и нищим философом, да и к местным рериховцам супруг Киры отношения, скорее всего, не имел: картины ему презентовали на Алтае, где нынешние капиталисты скупают землю. Без сомнения, Косорезов там что-то приобрёл. По линии связи алтайцев с другими рериховцами могла просочиться информация о подаренных работах, мог Фёдор Баклаш о них знать и кому-то из своих гостей о владельце рассказать... И, конечно, Косорезов не сам решил, что в картинах заключена сила психической энергии — информационная мантра, скорее всего, была духовным приложением к материальному

подарку. Впрочем, возразил я себе, зачем заранее отказывать мужчине, женившемуся на Кире, в ту пору тяготевшей к искусству, в художественной впечатлительности? Я бывал на выставках картин Рериха, заполненный его работами зал точно насыщался живой энергией, горным звенящим воздухом. Возможно, и Косорезов, знакомясь с алтайской экспозицией, ощутил нечто подобное. Сильное нестандартное ощущение могло замкнуться на его склонность к сверхценным идеям, вытесненным в подсознание. Из-за потери полотен сверхценное вырвалось на поверхность сознания, вызывая страх и реактивную депрессию (частую у тех, кому грозит потеря капитала или (и) уголовное наказание за его незаконное приобретение). Впрочем, это лишь предположение. Встреча с Косорезовым прояснит, что с ним на самом деле. С картинами пусть разбирается следователь.

А вот со своими чувствами разобраться я обязан сам. Смута, внесённая в них появлением Киры, способна исказить профессиональный взгляд на состояние её мужа. Поэтому перед консультацией необходимо от смуты избавиться.

Вечером, лёжа в постели, я извлёк из памяти давний образ Киры, поместил его слева от кровати и, опираясь на известную мне практику тибетских монахов по созданию тульпы, попытался сделать образ максимально реалистичным, насыщая возникший в темноте силуэт собственным чувством, тоже извлечённым из памяти. А справа от кровати представил Киру сегодняшнюю, изменённую пластикой, со злой улыбкой и каменным подбородком. Это была совершенно незнакомая женщина, с мужем которой мне представляло встретиться завтра утром.

Через какое-то время стало казаться, что я слышу тихое дыхание Киры давней. Эффект её присутствия в моей комнате становился всё явственнее. Это походило бы на игру с цифровой копией, если бы не одно существенное отличие: Кира давняя, казавшая теперь абсолютно живой, — я с трудом погасил порыв коснуться её руки, — могла существовать вне цифрового мира, её можно было поместить в любую точку нашей, условно материалистической реальности, в том числе отправить по тропе времени. Что я и сделал. Пристально глядя на неё, произнёс вслух: «Кира, отправляйся в 1999 год». И, когда образ, овившись туманным облаком, исчез, вспомнил: именно в тот год погиб мой дядя. Видимо, автоматически сработала ассоциативная связь: Игорь Иннокентьевич назвал состояние мужа Киры «затяжным суицидальным драйвом». Или... Или мне подсознательно хочется, чтобы судьба отомстила Кире за равнодушный отказ, забрав её мужа? Честность психотерапевта перед самим собой — гарантия того, что он не сбросит на пациента мусор собственных нерешённых проблем и не начнёт ловить доверившегося ему человека в капканы своих не закрытых гештальтов.

Признаюсь, было тяжело отпускать Киру давнюю. Неровный стук моего сердца сигнализировал о боли потери. Потери, заново мной пережитой. Я заставил себя вспомнить, что справа от кровати стоит мадам Косорезова, глянул в ту сторону и обнаружил тёмную пустоту. В этот миг звякнул телефон. Обычно незнакомые вызовы я игнорирую, но тоска потери была так сильна, что мне захотелось отвлечься — пусть на звонок мошенников, пусть на позднюю рекламу.

— Это я, ты меня слышишь? — произнёс взволнованный голос Киры. Именно Киры давней, а не мадам Косорезовой, предпочитающей властные ноты всем остальным. — Только не молчи. Нет, наоборот, лучше молчи.

Во дворе свистнули тормоза машины. И я с тревогой подумал: если это подъехала Кира, дверь не открою.

— Понимаешь, полчаса назад я расслабилась в домашнем бассейне, почти что задремала и... только не реши, что у меня глюки... внезапно увидела, что недалеко от бассейна стоит девушка, внимательно смотря на меня, прислуги в доме уже не было, я отпустила даже няню Евы, оставила только охрану на территории усадьбы, мне стало страшно, одной, обнажённой, в воде, муж, накачавшийся алкоголем, спит наверху, у нас трёхэтажный особняк. Ты, наверное, предположил, что это его любовница, которую он прятал? У него была любовница, и не одна, у нас либертарианский брак, мы признаём право друг друга на свободу, у меня тоже были мужчины...

Во дворе засвиристела сигнализация, видимо, кто-то случайно задел чужой автомобиль.

— Только не отключай связь! Когда эта девушка подошла ближе, я едва не потеряла сознание от страха: это была я! Совершенно реальная я. Мой двойник. Двойник из прошлого. Помнишь, когда покончил с собой твой дядя — мой любимый Мастер? Это самый конец XX века. Даже в воздухе проступало что-то эсхатологическое. Я потеряла самого дорогого человека. И три года носила только чёрное: чёрный джемпер, чёрные джинсы. Даже ногти покрывала чёрным лаком. Ты это помнишь?

Помню, произнёс я мысленно.

— Пока не встретила Александра... И она, то есть я из прошлого, была одета так же. Мы очень долго смотрели друг на друга, потом она сказала: «Передай Андрею: больше мы никогда не встретимся». То есть тебе! Какой-то сюр! Только не отключай связь. Теперь я испытываю страх смерти, он парализует меня, какая-то русская царица увидела своего двойника и... Ты должен мне помочь... Завтра в десять я заеду за тобой. Александр всё равно раньше одиннадцати не встаёт... — Кира помолчала. — Если после встречи с девушкой в чёрном не караулит меня авария...

Конечно, я сразу предположил, что причина появления двойника — возникшая между мной и Кирой телепатическая связь, легче возникающая во сне или в минуты, когда сознание приглушено дремотой. А возвратившийся из прошлого голос той давней Киры — всего лишь мой самообман. Писатели порой прозорливее учёных-рационалистов: Толстой, которого Горький называл колдуном, показал пример возникшего телепатического контакта между влюблёнными: Лёвиным и Китти. Кира никакой влюблённости ко мне, разумеется, не испытывает. Когда-то, в прошлом, на меня падала тень её кумира, создавая иллюзию равнодушия, сейчас все помыслы мадам Косорезовой направлены исключительно на сохранение мужа в качестве гаранта материального благополучия. Впрочем, какие-то её чувства к нему, отцу троих общих детей, отрицать нельзя. Люди сживаются, срастаются невидимыми родовыми корнями. Вряд ли такое срастание можно назвать любовью — любовью, воспеваемой поэтами. Многолетняя привязанность сильнее поэзии, хотя иногда оказывается слабее социальной моды: прожив

с женой тридцать лет — сменить её на двадцатилетнюю модель. Не этого ли опасается Кира? И тогда её видимая тревога за супруга вполне может оказаться ширмой, скрывающей страх развода. Железная мадам явно предпочтёт разводу своё вдовство. А я всего лишь инструмент.

Заснул с трудом. Мешало всё: законные звуки, обычно не замечаемые, шорохи за стеной, — казалось, что мешает заснуть ворочающийся на диване сосед и я ловлю его бессонницу. Тени деревьев, колышущиеся на стене, всегда действовали на меня умиротворяюще, сейчас в них проступало что-то зловещее: острые жестокие профили превращались в крикливые рты, рты, растягиваясь, становились хищными пальцами. Я пытался медитировать, мысленно выбрав в качестве точки сосредоточения толстый кактус — единственное растение в моём холостяцком доме. Кактус дробился, распадался на иглы, каждая из которых крохотной стрелой целилась прямо в моё сердце, тут же отзывающееся тахикардией. Тогда я вставал, зажигал ночник, пробовал читать, снова откладывал книгу, включал ноутбук... Ночь уже представлялась мне туннелем, замкнутым в бесконечное кольцо, а я — бредущим по туннелю никчёмным психотерапевтом, не способным помочь даже самому себе. Впрочем, сапожник всегда без сапог... В конце концов, я стал думать о Лене, замечая её образом ворвавшейся в мою жизнь тенью давней Киры. В каком-то смысле, Лена похожа на меня: сорокалетняя одинокая женщина, травмированная в годы студенчества безответной любовью. Вообще-то я сомневаюсь, бывает ли чувство без взаимности: какой-то отклик сильная эмоция всегда вызывает. Правда, порой отклик с противоположным знаком. Лена — тёплый человек, что крайне редко у людей её профессии, через пять лет работы теряющих способность сочувствовать пациентам, поскольку сами, выгорая, становятся абсолютно выхолощенными, эмоционально мёртвыми. Некоторые из них такими были сразу. Помните: «Как тяжело мертвецу среди людей живым и страстным притворяться»? Нашим — не трудно: они не понимают, что бездушны.

Лена — добрая, вот что меня притягивает к ней. Не феминистка, не карьеристка, — в заведующие стационарным детским отделением не рвалась, а назначили — втянулась. Человек, озабоченный только престижным вряд ли поместит Лену на высокие строчки женских рейтингов. Туда вполне способна взобраться Кира, несмотря на возраст, народным юмором обозначенный как возраст «ягодки опять». Она высокая, стройная, у неё длинные красивые ноги и лицо, благодаря дорогим процедурам ставшее гладким, почти кукольным. А Лена... Нет, Лена вовсе не замухрышка: чуть выше среднего роста, тёмно-русая, с коротким носом и голубыми близорукими глазами, правда, она полноватая и какая-то... да, немного смешная. Я всегда скрываю улыбку, когда вижу её, катящую на самокате, раскрасневшуюся от детского удовольствия. Кира до самоката не снизойдёт. Ну, только если ручки его будут инкрустированы бриллиантами.

Как ни странно, образ милой Лены подействовал на меня, точно валериана. Несколько раз мысленно я заставил её прокатиться на самокате — заулыбался и понял, что Морфей близок. Выключил ноутбук и, сидя на кровати, представил циферблат часов, поместив стрелки так, чтобы они показали 8.15 утра. Несколько секунд смотрел внутрь себя — на воображаемые часы, отдавая себе мысленную команду получить сигнал изнутри и в нужное время проснуться. Я никогда не пользуюсь будильником. Почему-то лучше получается синхронизироваться с циферблатом, на котором есть стрелки. Возможно,

часы, по которым человек постоянно сверяет время, постепенно становятся частью биосистемы его организма — и при остановке хода биосистемы тоже прекращают ход.

В момент смерти моего дяди его настенные часы остановились.

У нас несколько загородных домов, три здесь, один в Испании, рассказывала Кира, небрежно придерживая руль своего «Лексуса», два местных приспособили под загородные отели, а на Алтае недавно отстроенный ещё пустует, Александр считает Алтай сакральным местом земли. А подолгу живём здесь, за городом, в трёхэтажном особняке у озера. Вот он. На плоском экране, вмонтированном в потолок автомобиля, бесшумно заскользили кадры: огромная кухня в стиле Hi-Tech, скандинавского вида гостиная, мраморные лестницы с двумя львами внизу (я мысленно поиронизировал над вкусом нуворишей), кабинет Косорезова: шкафы красного дерева, картины на стене, портрет президента. Спальни, казалось, готовые взлететь от воздушности голубого и розового, сменились сначала бассейном, затем бильярдной, из которой на лифте поднималась на верхний этаж сама Кира в белом пушистом халате.

— А лифт зачем? — поинтересовался я.

— Я дважды ломала ногу, сначала правую, потом левую. — Мы стояли на перекрёстке, который торопливо пересекали граждане страны. — Пришлось в порядке срочного ремонта добавить лифт в особняк.

— Помню роман Фолкнера.

На мою реплику Кира не отреагировала.

— После первого перелома я родила Захара, ему четырнадцать, сложный возраст, подверженный духу противоречия. Учится в элитной загородной школе-пансионе. В следующем году собираемся его отправить в Англию. А после второго перелома я родила Еву. Старшей Лике двадцать один, твой дядя обожал Чехова, а Чехова любила Лика Мизинова, и я назвала так первую дочь. Она недавно вышла замуж за сына банкира Левенсона, ты о нём, конечно слышал. Мы с мужем стараемся не расширять круг нашей среды. Нищие заражены вирусом революции и опасны. Приятеля Александра пять лет назад застрелил не нанятый киллер, а член левой группировки, названной в честь какого-то революционера-фанатика...

— Нечаева?

— Вроде.

Замелькали пригородные пейзажи. Кудрявая прелесть зелёной рощи сменилась сначала незасеянным полем, а затем несколькими замками, башни которых возвышались над сплошной стеной долгого забора.

— Здесь у матери Левенсона дом, — сказала Кира, кивком указав на посёлок, — дрянное место, — лес далеко, реки нет, и налеплены дома тесно. А мы дальше. У нас огромная территория. Александр выкупил часть леса, пытался оформить в собственность озеро, но тут облом: недалеко от нас была деревня, народ взбунтовался, нашлись активисты, начали бомбить начальство жалобами, собирали подписи, ставили возмущённые посты в

соцсетях, видео записывали: встанут вряд, как истуканы острова Пасхи — мы там были два года назад, Александр на доске плавал, а я от скуки не знала, куда себя деть — встанут и давай крыть буржуев. В общем, озеро своё отбили.

— По-моему, я читал об этой истории.

— Александр не привык проигрывать! И только собрался снова взяться за озеро, как, словно чёрт из табакерки, выпрыгнул в СМИ один из хейтеров-активистов, стал публиковать компромат не только на мужа, но и на меня. Есть у нас газетёнка «Побудка», раз читал, ты в курсе. Докопался до истории с твоим дядей и, представляешь, обвинил меня в доведении известного художника до самоубийства. Чушь. Конечно, много лет прошло, доказать никто ничего не способен, но мы решили пока с озером и заодно с этой деревней повременить... Приехали!

Машина притормозила перед огромными белыми воротами. Кира положила холёные руки на руль и повернулась ко мне.

— Сохранять убитые деревни — вредно. И Александр действовал в ключе актуальной повестки.

За поднимающимися автоматическими воротами скрывалась мощная стальная решётка, тоже поднимавшаяся. А за ней стоял небольшого роста африканец, почтительно сложив руки на груди и чуть наклонившись.

— Лиловый негр?

— Это узбек. Александр заставляет его иногда чернить кожу.

— Чтобы элитным гостям подавал манто?

— Ну да, — Кира усмехнулась. — Только слово «негр» у нас в доме произносить запрещено: оно не толерантно.

— Я всего лишь Вертинского процитировал.

— Сейчас в тренде цветная услуга. Мы заказали через агентство старого Левенсона, он владеет не одним банком, индианку для Евы. Себе он привёз девушку с Мальты — у него двойное гражданство.

Мы заехали в подземный гараж.

— Отсюда сразу поднимемся в холл, а потом наверх — к Александру. Я его предупредила, что познакомлю с моим давним приятелем, у которого сохранились связи среди художников и, возможно, бывая в мастерских, он что-то слышал краем уха о картинах Рериха.

— Никаких связей у меня среди художников нет. И в мастерских я не бываю.

— Придётся соврать, и по профессии вы... ты — не психотерапевт.

— А кто же? — я постарался скрыть возмущение, уже понимая, что попал в хитрую ловушку лжи.

— Ну, предположим, лор-врач.

— Я плохо разбираюсь в оториноларингологии, забыл, больше двадцати лет прошло с окончания института.

— Уверяю тебя, Александр в ухо-горло-носе разбирается ещё хуже, — Кира засмеялась.

— Идём!

Господин Косорезов совсем не походил на бедолагу, задумавшего уйти из жизни. Крупный, упитанный, с лоснящимся лицом и щеками хомяка, в дорогом домашнем костюме он казался вполне довольным жизнью. Поприветствовав меня хриловатым: «Прощу!», он тут же побегал пальцами по встроенной в его стол панели размером с лист А-4, и в кабинет вкатился небольшой квадратный мигающий робот, из середины которого выдвинулся чёрный поднос с двумя чашками кофе, вазой с трюфелями и второй — с фруктами.

— Спасибо, Жорик, — Кира наклонилась и погладила робота. — У нас умный дом, и ты тоже не дурак.

— Если Жорик не дурак, пускай уловит, что мы бы и от коньячка не отказались, — сказал Косорезов, и тут же из робота выдвинулась маленькая полка с двумя серебряными рюмками и маленькой квадратной бутылкой.

— Вы расслабляйтесь, а я пойду.

— Иди, иди, дорогуша, — Косорезов показал мне на кресло, а вы... можно без отчества на европейский манер?

Я кивнул.

За автоматически закрывшейся дверью простучали и стихли шаги. И почему-то мне сразу стало как-то не по себе: точно с уходом Киры в кабинете появился кто-то невидимый, пристально смотрящий мне прямо в затылок, служащий мишенью. Наверное, камера, подумал я, пытаюсь пригасить неприятное холодящее ощущение и отогнать тревожную мысль о возможной ревности Косорезова ко мне как к бывшему любовнику его жены. Впрочем, вспомнил я, у них же свободный брак.

— А вы, Андрей, расскажите о вашем знаменитом дяде-художнике, он ведь был кумиром моей жены. Но сперва выпьем.

Я только пригубил и поставил рюмку обратно на полку роботу Жоре, а Косорезов выпил коньяк залпом, быстро закинув в рот очищенную от кожуры половинку мандарина.

— Мой дядя вряд ли мог считаться знаменитым; талантливым, необычным — да, но слава в Кудринске не та, что в столице.

— Ему надо было вовремя эмигрировать, стал бы как... Баклажанов или как там его... Кабачков... — Косорезов усмехнулся. — А вы сейчас с кем из художников общаетесь?

— Ни с кем, — я решил не быть пешкой на шахматной доске Кириного обмана, — после смерти дяди мне долгое время тяжело было встречаться с другими художниками, и постепенно от всех его знакомых я отпал, а молодых предпочёл узнавать не лично, а только на выставках.

Мой ответ не вызвал у Косорезова удивления, а вот я несколько озадачился: неужели Кира придумала версию с моими посещениями мастерских на ходу? Что же тогда обо мне она сообщила мужу? Косорезов осушил вторую рюмку и спросил:

— А какова стоимость его работ сейчас? Кто ими владеет?

— Всё досталось его дочери. Дядя её не воспитывал и я её фактически не знал. Но дочь носит фамилию дяди: Бурина.

— Ну, я не думаю, что цена на работы Бурина высока... Не Репин.

— И не Рерих, — сказал я.

Косорезов глянул на меня, прищурившись.

— Догадываюсь: моя жена вам сообщила о пропаже двух моих любимых работ Рериха.

— Да.

— Профессионал занимается, но, увы, пока результат нулевой, — Косорезов вздохнул. — Ждём, что картины всплывут, ведь их, конечно, украли ради денег. Причём украли виртуозно: мы с детьми были на Кипре, няня Евы — с нами, в доме оставалась обслуга и охранники, все спали без задних ног, воры сумели вырубить в доме сигнализацию, видеонаблюдение, биометрический код на воротах и спокойно вынесли из гостиной картины. Я подозревал, конечно, что сдала дом обслуга, всех прошерстили — от кухарки до садовника, — никаких следов, рыдали, клялись, в ноги нам с Кирой падали, но и верно: от обслуги ниточку протянуть не удалось. Спец рыщет по сетевым явкам хакеров, может, там что-то блеснёт. Ждём.

Косорезов закинул в узкий розовый рот ещё одну дольку мандарина.

— Сейчас, если продается дорогая работа известного художника, её цифровое фото отправляют на всякий случай в полицию, чтобы узнать, не числится ли она в розыске. Пока и здесь глухо: никто не продаёт. Или...

Косорезов сморщился, опорожнив третью рюмку.

— ...воры не идиоты, понимают, что засветиться с продажей легко, и осторожно обходят не только художественные салоны и аукционы, это понятно, но и отечественных известных коллекционеров, ориентируясь на зарубежных, у которых в частных коллекциях всякая всячина. В том числе и приобретённая нелегально. Вывезут, подкупив таможеню.

Косорезов сурово нахмурился, изобразив, что о нарушениях законности искренне сожалеет.

— Страна у нас удобная, приватизированная снизу доверху, что означает доминирование везде и во всём личного интереса.

— А следовательно выходил на местных рериховцев? — спросил я. — Может быть, картины украдены не ради денег?

— А ради чего?

— Ради чего-то эзотерического. Вы же, наверное, читали «Живую Этику».

Косорезов на мой осторожный крючок не попался. Не выдумала ли Кира мистическую подоплёку депрессивного состояния супруга?

— Я сам кое-кого знал из нашей рериховской кунсткамеры, — притворная суровость сменилась иронической улыбкой, — одни — зомбированная биомасса, другие — кликуши. Правда, был среди них парень по фамилии Баклаш, ходили слухи, что он гений... То ли придумал какую-то новую теорию, то ли сногшибательное открытие сделал. Закончил плохо, как ваш дядя. В современной России, как известно, гении — люди лишние, поскольку в рынок не вписываются, ютятся они в социальном подполье. А записи Баклаша пропали. Возможно, слухи — дрянь, сочинял он ерунду и открытие — мыльный пузырь, но чем чёрт ни шутит, народная молва всё-таки на пустыре не растёт. Мог удумать и что-то гениальное. Мои люди дали в Сети объявление, что того, кто принесёт мне его записки, ждёт крупное вознаграждение. Явно — тетрадь, он писал по старинке шариковой ручкой, — у кого-то из рериховцев. Если записи ценны, я их опубликую... Профессионала на это дело нанимать не стал: может спугнуть клиента. Возможно, вы знали его?

— Кого вы имеете в виду?

— Фёдора Баклаша.

Косорезов глянул на меня, острый взгляд его царапнул мои зрачки и, неприятно отозвавшись в мозгу, тут же отпал, расплылся, растёкшись по всему кабинету.

— Нет, не знал.

— Заплачу много.

Косорезов покачнулся и пьяно осел в кресле, как мартовский сугроб.

...Я пил чай и думал о «людях Косорезова». Так вот почему Вересков ищет тетрадь Фёдора Баклаша. Он прочитал объявление о крупном вознаграждении. И, конечно, поиском заняты, кроме косорезовских, разные случайные люди.

Что мог противопоставить маргинальный философ Фёдор Баклаш равнодушному механизму подмены человечности прагматизмом, а свободы — цифровой сетью?

Откровенно говоря, я был рад вырваться из особняка: точка на моём затылке, почему-то представлявшаяся мне мишенью, и сейчас, дома, то и дело напоминала о себе какой-то

неприятной гиперчувствительностью. Вот и сенестопатию прихватил, пытался я посмеяться над собой, однако, врезавшийся в мысли образ Косорезова как-то сразу гасил иронию. Если он устремился за тетрадь Баклаша, о сути открытия которого, без сомнения, слышал и в разговоре со мной намеренно умолчал, значит, этот новый феодал, которому обслуга падает в ноги, и в самом деле способен наделять картины магической силой. Его интуиция, заточенная исключительно на барыш, похоже, питается верой в источник силы, находящийся не внутри собственной натуры, а вовне, что страхует его от финансовых провалов на эмоциональных виражах. Да и скрыть от самого себя собственную суть, как грабитель банка скрывает лицо под маской, проще, посчитав богатство и власть исходящими из мистического источника, а Косорезов, явно некоторой рефлексии не чужд. Впрочем, он малоинтересен как личность — слишком типичен. Ведь мы живём во времена косорезовых. И Кира, превратившись в часть косорезовского мира, утратив романтическую дымку, наделявшую её очарованием, стала какой-то двухмерной, словно её растянули на плоскости между двух координат, главных для жизнедеятельности её супруга. По-настоящему интересен был мне теперь Фёдор Баклаш. Я оставил в стороне вопрос о его гениальности, — девальвация понятия давно начала размывать определённости оценок, подменяя подлинное подделками, — Баклаш мне интересен просто как человек, оставивший живой след, который вынюхивали ищейки. В то, что найденные записи супруг Киры превратил бы в ещё одно средство монетизации, сохранив авторство, я как-то не сильно верил. Вероятнее, что Косорезов желал бы предстать в публичном пространстве не просто денежным мешком, а личностью творческой, и записи Баклаша, если они покажутся ему ценными, он просто опубликует как свои, а открытие, если он есть, в чём я по прежнему сомневался, сделает достоянием только малой кучки «избранных». Публичные персоны, издающие свои романы, сочинённые с помощью группы товарищей, а теперь и с применением ИИ, жаждут не только славы на поле творчества — они желают низвести само творчество до безделки, нивелировать дар. Мол, всё миф. Мы, косорезовы, левой рукой способны накропать «Войну и мир», сегодня никаких нищих талантов не существует, а если и есть какие-то полоумные баклаши, мы ими созданное присвоим, поскольку сами они не способны свои дарования использовать. И косорезовы правы: часто не способны. Я называю такую неприспособленность синдромом Велимира Хлебникова. Увы, не каждому посылает судьба в помощь меценатов или преданных практичных жён, похожих на Анну Достоевскую или Веру Набокову...

Вспомнит ли Косорезов, если записи Баклаша покажутся ему ценными, наш вчерашний разговор и меня как свидетеля? Или посчитает старого знакомого жены безобидной букашкой, генетически не запрограммированной на борьбу за правду? А способен ли я на борьбу? Предположим, Верескову в очередной приезд удастся найти в доме Юлии Прокофьевны тетрадь и продать её. Смогу ли я поднять волну в защиту имени Фёдора Баклаша?

Допив чай, я зашёл в ванную комнату и посмотрел в зеркало на своё отражение. Брутальности мне явно недостаёт. Да и обычной мужественности тоже. У тебя лицо не воина, а жреца, как-то сказала мне Лена. Милая Лена. Я представил, как несётся она, ощущая себя какой-нибудь летящей валькирией, на самокате — и улыбнулся. Пожалуй, стоит ей позвонить: о мальчике спрощу и одинокой женщине сделаю приятное.

— Алё, Лен, ты как?

— Только о тебе подумала? и ты звонишь.

— Что-то случилось?

— Приходила сегодня Верескова, её муж требует...

— Извини, Лен, — прервал я её, — лучше завтра на эту тему детально поговорим не по телефону. Обрисуй в двух словах, как наш маленький пациент. Грустит?

— А давай, я к тебе сейчас подскочу с флаконом «Казильеро». Или ты ко мне.

Перемещение из своего обжитого интерьера в другой, малознакомый или совсем чужой, мне как домоседу всегда даётся с некоторым усилием. Я ощущаю сопротивление воздуха собственной квартиры, не желающей меня выпускать за порог, а если и отпускающей, то с досадой или печалью. Через полчаса Лена была уже у меня. Её полупрозрачная светлая блузка не скрывала линий чёрного бюстгальтера, а кожаная юбка, короткую длину которой модельная Кира сочла бы не подходящей к полноватым ногам, была сброшена довольно быстро.

— Жарко у тебя, — смеялась Лена, — оцени, подходит моя жёлтая блузка и синие колготки откупоренному «Погребу дьявола»?

— Подходит как точная метафора: мы ведь сейчас все в «Casillero del Diablo».

— Понимаешь, мне приходится постоянно преодолевать в себе ханжеские запреты воспитания, даже нудистской стала, чтобы обрести свободу. К тому же в школе я подвергалась буллингу и насмешкам из-за того, что была толстой. Особенно меня травил один пацан, который мне сначала очень нравился, а потом я его возненавидела. Его мать работала бухгалтером на мясокомбинате, и он обзывал меня то окороком, то тушей, то салом в целлофане.... Ты сало ведь не ешь?

— Не ем, конечно. Ты забыла: я вегетарианец.

— Значит, ты должен любить худых, похожих на тебя.

— Знаешь, пончик, — я прижал горестно вздохнувшую Лену к себе, — телесность для меня мало что значит. И я не настолько нарциссичен, чтобы любить похожих на собственное отражение в зеркале. Помнишь стихи: «С душой твоей хочу соединиться, слиянье тел дарует к ней канал...» И тут же влажная нежная дымка накрыла меня. «Вечно бы так растекаться, всё забыть, стать озером», — прошептала Лена. Мелькнула омываемая ливнем далёкая деревня, смешные котята стали карабкаться мне на грудь, иногда чувствительно задевая кожу белыми коготками, сверкнуло в памяти чудо летнего дня: ливень прошёл, оставил крохотные огоньки свечек на листьях и весёлые искры в траве, а после солнце, вобрав в себя искры и огоньки, так быстро осушило влажные следы, словно ливня и не было. Нет, отгоняя стайку образов, с опозданием возразил я, озером стать не хочу. Поднялся с дивана, оделся, сел к столу и сделал глоток остывшего чая, темневшего в стакане.

— Уже оделся?

— Ты хотела рассказать о Вересковой, а говорить о работе в голом виде — не верный формат.

— Формалист! — Лена засмеялась. — Нарочно не стану одеваться!

Оказалось, Верескова о нахождении мальчика в клинике вынужденно сообщила мужу, и тот звонит и настойчиво требует свидания с сыном.

— По правилам я обязана свидание разрешить, нет ни карантина, ни каких-то противопоказаний, но Верескова приходила и просила уберечь мальчика от встречи с отцом.

— Мне её жаль, он тяжёлый тип.

— Мазохистка, раз терпит.

— Она терпит ради ребёнка.

— Это глупо. Дети всё равно чувствуют отсутствие любви.

— Она любит мужа.

— Значит, точно мазохистка.

— Лена, я не принимаю примитивные психологические подходы.

— Скажи ещё: жизнь много сложнее.

— Так и есть.

— Это людской самообман. Какой-то поэт, нашла в инете его стихи, довольно морализаторские в стиле дедовских поучений, но один короткий стишок мне запомнился

— он выразил главную формулу жизни: она проста, «его уста — её уста». Ты же знаешь: я

— фрейдистка.

— Пушистая фрейдистка Ленка, — я встал, подошёл к дивану и, наклонившись, провёл ладонью по её каштановым волосам, вольнолюбиво разметававшимся по примятой подушке, — жизнь такая, какой ты её видишь.

— Ой, забыла тебе сказать, а ты мне напомнил: мальчик ловит пушинки.

— И пусть ловит.

— Всё серьезнее, чем ты думаешь. Я разрешила ему позвонить матери, а потом прослушала запись их разговора, он её спросил, передала ли она тебе сообщение, которое он получил через пушинку от своего дяди. Это уже не тянет на невроз, сам понимаешь.

— А если это телепатия и попавшая в поле его зрения пушинка служит всего лишь сигналом начала связи?

— С мертвецом? Сообщение ведь от его дяди Фёдора Баклаша, мне Верескова назвала его имя.

— У тебя есть доказательства, что Фёдор Баклаш мёртв?

— А у тебя есть доказательства, что телепатия существует и мальчик не обычный больной, а уникальный сенс? Мне твои кумиры — Сас, Гофман, Базалья, — никогда ничего не докажут. А полоумный Фуко и подавно. В психиатрии я традиционалистка.

— Традиционалисты, причём не обязательно медики, и тебя как нудистку щедро одарили бы диагнозом.

— Типа: «Кто первый надел белый халат, тот и доктор»?

— Именно. Знаешь, в кудринском окраинном стационаре, где я проработал пять лет, был тихий симпатичный врач, который все годы пытался фотографировать свои галлюцинации. Он полагал, что сможет от них избавиться, стерев полученное изображение.

— А что? Вполне современно.

— Иногда он сам себя начинал видеть привидением, тогда его бесшумные шаги становились пугливыми: он опасался, что кто-то другой незаметно заснимет его, а потом изображение сотрёт. А ещё была холерическая заведующая острым отделением, бравшая раз в три месяца больничный — все знали, что она страдает запоями.

— У нас был такой нарколог, он закодировался.

— Отец заведующей ещё одного отделения, не узнававший дочь, постоянно бродил по больничному саду.

— У нашей старшей медсестры с отцом похожая история. Она замучилась: он — дома.

— Со мной пытался сдружиться неглупый молодой врач, назначавший себе лекарства: то у него возникали маниакальные состояния с бесшабашным весельем и гиперактивностью, то он проваливался в депрессию. Все понимали: если он сбрил пышные чёрные усы, которые отрастил на подъёме настроения, значит, началась депрессия ...

— Издержки профессии.

— И, знаешь, что я понял, работая там: лучшие врачи как раз те, что сумели первыми надеть белые халаты: они с пациентами на одной волне. А худшие — вполне нормальные выгодчики. Эти работали исключительно ради неплохих денег, большого отпуска и фактического отсутствия всякой ответственности, — равнодушно раздавали ярлыки, искажая судьбы.

— Да, в нашем Кудринске доказать малоимущий человек ничего не может, — Лена вздохнула. — Андрей, так что мне делать с мальчиком?

— Моё интуитивное убеждение — мальчик абсолютно здоров, он травмирован семейной ситуацией. И он самый настоящий сенс.

— Так докажи!

— Доказать? — подчиняясь внутреннему импульсу, я включил телефон. — Если мне сейчас позвонит Верескова, ты поверишь в телепатию?

— На часы посмотри! Без семи полночь, — Лена расхохоталась, встала, начала одеваться и на миг застыла: мой телефон просигналил.

— А вот и она, — сказал я.

Такие совпадения уже случались в моей жизни, и всё-таки поздний звонок Вересковой удивил даже меня.

Мальчик просил передать мне всего два слова: «Белая машина».

Из путаных объяснений Вересковой я понял, что её супруг догадался: в историю с пропавшей тетрадь вписан теперь и я. Он снова ездил в деревню к Юлии Прокофьевне, и дочь продавщицы Алина рассказала ему, что видела его жену с каким-то мужчиной. Возможно, он попросил спутника супруги описать и смекнул, кто есть кто. То, что Вересковой достались, кроме скандала, и тумачи, я не сомневался. Этому претенциозному психопату чувство жалости не было знакомо. В его сообразительности и природном уме сомнений у меня не было. Вряд ли он станет сообщать обо мне Косорезову — чем передавать меня в лапы его людей, выгоднее найти записи Баклаша самому и самому получить за них деньги. Как будет действовать Вересков? Спрашивать у меня напрямую о тетради? Или начнёт пытаться жену, истязая оскорблениями и побоями?

В понедельник, уже смывший душем со своей кожи тень женского тела, я раздумывал, дожёвывая наскоро собранные и подогретые в микроволновке, бутерброды, о непонятном сообщении мальчика. Что за белая машина? Недавно приобретённый Вересковым седан? По пути на работу вспомнил: Верескова, упоминая купленную машину, назвала её цвет: седан — не белый, а чёрный.

В парке было пустынно, и это, как всегда меня удивило: люди предпочитали приятной дороге среди деревьев загазованную улицу. Порой конец лета обдаёт таким жаром, точно навёрстывает упущенное в достаточно прохладные дни июня. И сейчас, несмотря на утро, уже ощущалось близкое дыхание жары. На одной из скамеек дремала кудрявая девчонка лет восемнадцати, по виду которой несложно было догадаться: приятель использовал её и растворился, равнодушно бросив нетрезвую подружку одну в парке.

Едва я зашёл в свой кабинет, меня вызвал к себе заведующий. От Игоря Иннокентьевича веяло непривычным благодушием, обычно он предпочитал в общении со мной не снимать маску озабоченности делом и вынужденной строгости.

— Представьте, Андрей Андреевич, — бравурно зарокотал он, пригласив меня сесть, — от Киры Леонидовны Косорезовой поступила благодарность вам как психотерапевту и мне как руководителю, обеспечившему нашу клинику высокопрофессиональными кадрами. И она запросила вторичную консультацию. Вам нужно будет встретиться с её мужем снова прямо сегодня. Кира Леонидовна любезно предложила заехать за вами в 18-

00, она могла бы заехать и раньше, однако, не считает возможным нарушать график работы нашей духополезной организации.

— Духополезная — это её определение?

Мне было понятно: заплатили заведующему щедро, а мне достанется какая-нибудь небольшая квартальная прибавка к зарплате. Слаб он до баб и до бабла, как-то с иронией сказала о нашем шефе Лена и добавила: «Ты же не в курсе, он и выписывает пациентов за откупные, причём придумал себе оправдательную теорию: если родственники могут принести ему в клюве, значит, и на прокорм у них финансы есть. А если родня — бедняки, пусть пациенты и дальше у нас торчат: меньше новых — спокойнее ему».

— То есть шеф изначально не подразумевает, что родственники могут быть честными?

Лена рассмеялась:

— Он воспринимает наш небольшой коллектив как модель всего социума: честные у нас в клинике только пациенты. Некоторые из них потому и у нас. Ну, и один ты — исключение. А исключение, как говорится, лишь подтверждает правило!

— Ну что вы так мрачно отреагировали? — Игорь Иннокентьевич шутливо погрозил мне пальцем: — Определение вполне соответствующее. Дама продвинутая с богатым вокабуляром.

— У меня сегодня вечер, к сожалению, занят.

Что придумать в качестве отговорки: театр? Свидание с женщиной? Приезд любимой тёти?

— Придётся, Андрей Андреевич, поступиться личным ради помощи страждущему. Клятва Гиппократов ведь для вас не хухры-мухры?

— Хорошо, — вяло согласился я, подумав, что будет легче, пожалуй, отфутболить Киру, чем выдвигать придуманные доказательства Игорю Иннокентьевичу.

В коридоре у дверей моего кабинета сидела Верескова. Выглядела она как всегда: измученная худая женщина. Неловко одёрнув юбку, поднялась навстречу, и я отметил, что спина её стала более сутулой, точно на плечи легла невидимая жестокая рука, пригибая всё ближе к земле. И поймал себя на ощущении, что после поездки в деревню и ночного разговора расстояние между мной и Вересковой заполнилось каким-то иным содержанием, почти родственным и совершенно не типичным для меня как психотерапевта, понимающего, что любой психологический перенос не безобиден. Я стал жалеть Верескову как сестру. В детстве, пяти-шестилетним, я мечтал о сестре. Приглядываясь к девочкам нашего городского двора, иногда размышлял, какую из них мог бы представить постоянно живущей в нашем с бабушкой доме. Розовощёкие жизнерадостные активистки песочницы, ловко отталкивающие других детей и первыми забирающиеся на качели, не нравились мне совершенно, не привлекали и балованные капризные куклы в локонах, за которыми присматривали блёклые няни. В воображаемые сёстры я выбрал худенькую девочку, русоволосую и хмуроватую, носившую летом лёгкий комбинезон: футболку со штанишками. Хорошо помню: когда пятилетние красотки

хвастились новыми яркими платьями, кружась друг перед другом на детской площадке, или расправляли маленькими пухлыми пальчиками кружева и оборки юбок, гордо смотря на подружек, склонивших хорошенькие головки, эта девочка, равнодушно на них глянув, продолжала в стороне своё любимое занятие: рисовала на асфальте цветными мелками. Меня девочка не замечала и, не решаясь из робости с ней познакомиться, я каждый вечер, ожидая, пока оторвётся бабушка от бесконечных кухонных забот, чтобы пожелать мне «спокойной ночи», в воображении оказывался рядом с девочкой. И она, отрываясь от собственных рисунков, улыбалась, смотря на меня своим загадочным хмуроватым взглядом.

Почему-то Верескова мне стала её напоминать. И это меня насторожило: к чему бы? Пришла она потому, что ей позвонил мальчик — телефонная связь с близкими родственниками у нас разрешена по определённым дням и часам. Мальчик просится домой. Я набрал по местному номеру Лену и попросил привести его ко мне. Всё-таки неформальные отношения многое упрощают: через десять минут сын Вересковой, похудевший и побледневший, стоял посередине кабинета, держась за спинку стула, на котором сидела его мать.

— Рвёшься домой? — спросил я.

— Да.

Он опустил голову и стал глядеть не на меня, а в пол.

— А ты знаешь, что за тетрадь твоего дяди объявлено очень большое вознаграждение?

— Нет.

— Я не говорила Мите об этом, — сказала Верескова смущённо, — думала, не нужно.

— Твой отец уверен, что ты знаешь, где спрятаны записки, он может случайно сообщить об этом одному человеку, люди которого очень постараются доставить тебя к нему.

— Да, конечно, может случайно сообщить, — подтвердила Верескова, — бизнес затеял, ему деньги нужны.

— Ищет тетрадь главный бандит? — тихо спросил мальчик.

— Бандит он или нет, я не знаю, но то, что тебе с его головорезами лучше не встречаться, уверен. Так что потерпи: у нас ты в безопасности, понятно, здесь не рай, я понимаю, и кормят неважно...

— Он говорит, что еда вполне нормальная, — сказала Верескова.

— Потерпишь?

Мальчик кивнул.

— И я хотел тебя спросить насчёт телепатеи: что за белая машина?

— Понимаете, шум был в коридоре, связь прервалась.

Верескова с тревогой на меня глянула.

— Понятно, — а я глянул в окно и увидел паркующийся во дворе клиники розовый «Лексус».

— Попробовать снова выйти с дядей Федей на связь?

— Попробуй. Только больше не сообщай о пушинках маме по телефону, расскажешь потом о контакте с дядей лично мне.

Выходя из кабинета, уже в дверях — сопровождающая санитарка ждала в коридоре, — мальчик внезапно приостановился, оглянулся и сказал:

— Вы на него похожи.

— До свидания, — Верескова тоже на секунду приостановилась. И тут же была резко задвинута в коридор: в кабинет ворвалась Кира Леонидовна Косорезова.

— Привет! — выкрикнула она. — Я за тобой!

И мне показалось, я ощутил, как вздрогнула от этого хозяйского голоса Верескова.

— Извините, — сказал я, выходя с Кирой из клиники, — у меня не закончены дела. И я не поеду больше на свидание с вашим супругом.

— А почему ты решил, что я повезу тебя снова в наш особняк?

— Мне сообщил главный врач, что вы заказали вторую консультацию. За положительный отзыв, конечно, спасибо, но я дам вам телефон хорошего специалиста...

— Андрей, кончай выкать! Я пока не планирую вторую твою встречу с Александром.

— Так зачем...

— Решила тебе немного помочь материально, перечислить деньги, вроде, как за ещё одну консультацию, — Кира усмехнулась, — твой шеф, если и замылит часть, обязан будет и тебе что-то отстегнуть.

— С чего такая благотворительность? — я готов был взорваться от негодования, но сдержал порыв. — У меня вполне приличная зарплата.

— Ты не представляешь, что значит зарабатывать прилично, я трачу за неделю только на мелочи и всякую приглянувшуюся ерунду десять твоих зарплат, не меньше! И приехала, чтобы посидеть с тобой вечером в кафе. Есть такой элитный погребок, куда ты без меня не попадёшь.

— Это который в центре, название латиницей в колониальном стиле?

— Да.

— А если я не пожелаю туда попадать?

— Андрей, — Кира, открывая дверцу машину, повернулась ко мне, — я приехала не просто так. Мой муж тебя просветил и заподозривал. У него зверское чутьё.

— Заподозрил, что я знаю, где пропавшие картины Рериха? Что за чушь!

— Садись в машину, я всё расскажу тебе в погребе. У меня нет уверенности, что даже в мою машину он не засунул прослушку, автоматически включающуюся, когда я вырубаю видеокамеру.

— Однако хорошие у вас отношения, — съязвил я, — доверительные.

— В нашей среде мало кто кому доверяет. Даже родители — детям, поскольку тинейджеры их рофлят, то есть высмеивают и воспринимают только как носителей будущего наследства. Блин! Светофор! Опять не проскочила!

Кудринск город небольшой, минут через десять мы припарковались у «Погребка» и, спустившись по ступенькам, вошли в округлое помещение, одна часть которого была затемнена сильнее: там, за столиками, предавались чревоугодию немногочисленные посетители.

— Аркашка, владелец этой кафешки, всем обязан лично мне, — сказала Кира.

Стены, украшенные копиям картин Дали — почему-то в чёрно-белой гамме, — подсвечивались лампами в форме рогатых головок чертенят.

— Он уже нас увидел на экране своего кабинета, вип зона под его личным контролем, всё здесь продумано, имеется даже запасной выход. Сейчас он пришлёт официантку. Я запретила ему выходить и встречать меня. Зачем это подбострастие?

И, действительно, хорошенькая девушка появилась тут же.

— Столик, Кира Леонидовна, всегда свободен, Аркадий Петрович держит его только для вас.

Мы прошли мимо выпивающих посетителей и оказались в уютном небольшом тёмно-голубом гроте. Кира сделала заказ, поворчав, что официантка новая и не знает привычного Кириного выбора.

— Смазливая, за то, наверное, и взял!

От алкоголя я отказался.

— Какой ты скууучный, — Кира поморщилась. — В качестве компенсации хотя бы обращайся ко мне по имени и на «ты», как раньше.

— Скучным я кажусь, порой, даже себе.

— А я с недавних пор подседа на рашин водка. Самый чистый напиток. И твой дядюшка, между прочим, трезвенником не был. Помню его винный погребок.

— Не был.

— Ладно, хотя бы поужинаем прилично. Для меня Аркашка расстарается, не подведёт, повар у него круче парижских. Одно время тарелочницы повадились сюда ходить.

— Тарелочницы? Кто это?

— Бабы-нищевродки, знакомящиеся только для того, чтобы мужик пригласил в ресторан или кафе, и там пожрать. Запретила их сюда пускать! Ввели биометрический контроль. — Кира покрутила на пальце кольцо, и оно насмешливо сверкнуло. — Ведь это я дала денег на кафе. Аркашка был принеси-подай, как эта смазливая тёлка, и как-то меня так хорошо обслужил, что я решила взять его на пару деньков в бойфренды. Ну, а потом спонсировала... Теперь он парней не держит, — Кира усмехнулась, — боится, что скреативлю ему конкурента. У меня ведь свой постоянный доход. Александр открыл PR-агентство, от которого отпочковались ещё пять. Вся городская реклама проходит через нас, Косорезовых. Твой Игорь... как его...

— Иннокентьевич.

— ...недаром передо мной загоношил, понимает, что мы его можем убрать в двадцать четыре часа. У Александра мэр на поводке.

Официантка принесла заказ, заставила столик холодными закусками. Названия некоторых деликатесов я не знал. Кира выпила водки и закурила.

— Ты же за рулем, — напомнил я.

— У меня в сумке чудодейственные таблетки: отрезвляют за десять минут и устраняют запах алкоголя. Ну, и зелёные.

— Так в чём твой муж подозревает меня, его насторожило, что я упоминал рериховцев?

— Возможно. Но он соотнёс тебя не с картинами, а с одним крэнком, тоже из их полоумной компании.

— Не понял, о ком ты?

— Александр ищет записи какого-то Фёдора Баклаша.

Почему-то я не удивился.

— И чутьё ему подсказывает, что именно ты знаешь, как эти записи найти. Это ведь так?

Лгать не люблю. Что ответить? Как скрыть от неё то, что я действительно знаю, где находится тетрадь.

— Чего молчишь? Колись!

Я решил ответить вопросом на вопрос, как в Одессе.

— А что, твой муж никогда не ошибается?

— Никогда.

— Жёны часто идеализируют мужей.

— Я не из кухонных кур.

Кира выпила ещё, и, вяло поклевав салат с креветками, активно принялась за холодный жульен. Пожалуй, подумал я, стоит перевести встречу в конфликт, тогда вопрос, знаю ли местонахождение записей Баклаша, отпадёт сам собой.

— Оплата мнимой консультации, как я понимаю, не благородный жест, а гонорар за информацию, которую ты надеялась получить от меня. Красиво!

— Аванс с элементом благотворительности, — Кира с ядовитой улыбкой отвлеклась от жульена. — Если тебе мало — доплачу, и раскроем тебя как психотерапевта и коуча.

— По-моему, ты меня спутала с Аркашкой, — сказал я, поднимаясь из-за стола. — Приятного аппетита! Ухожу.

Кира зло расхохоталась и, схватив трёхзубую вилку для рыбы, бросила её в меня. Когда я шёл домой, в моих ушах почему-то бесконечно повторялся резкий металлический звук, с которым вилка ударилась о голубой пол.

Я давно знаю, что моё восприятие города и людей зависит от настроения. И сейчас Кудринск казался мне отвратным: сталинские дома центрального проспекта давили своей монументальной серостью, а кирпичный многоэтажный новострой раздражал претензией на элитарность. В лицах встречаемых людей виделась или обречённость выброшенных на обочину, или тупое высокомерие «преуспевших», уверенных, что ступают по красной ковровой дорожке. Чтобы как-то выбраться из густой тины, в которую меня пыталась затащить Кира, я представил, что по улице летит на самокате толстушка Лена и, представив, позвонил ей, чтобы увидеть милую её физиономию на экранчике телефона.

— Андрей, как ты вовремя! Я только о тебе весь вечер и думала. Видела, как ты уехал с расфуфыренной мадам, а секретарша главного мне потом по секрету сообщила, что это супруга Косорезова. Зачем ты ей потребовался? Только... только если не хочешь, не говори.

— Она заманила меня в «Погребок», знаешь такое кафе?

— Знаю. Это и кафе, и закрытый ночной клуб для местных мажоров. Мадам решила тебя приобщить? Ты ей показался манким?

— Ты слышала о Юрии Бурине, художнике?

— Андрей, ты меня считаешь профанкой, — Лена грустно вздохнула. — Я читаю книги, люблю живопись и видела его картины в нашей галерее.

— Это мой родной дядя. Его гибель определила мою жизнь.

— Он... Его...

— Суицид.

— Из-за несчастной любви?

— Некоторые блогеры, пишущие о Бурине, утверждают, что причина — девушка.

— Топят за несчастную любовь ради подписчиков?

— Скорее, это заказ — перевод стрелок с проблем социальных, народ должен забыть: время конца 90-х было для многих хороших людей смертельно.

— Мой отец тоже умер от инфаркта, когда его приватизированное КБ уничтожили вместе с прихваченным за копейки заводом. А почему народ должен это забыть?

— Потому что стирается правда: градус совести именно по причине потери лучших и замены их на самых наглых и ловких, упал ниже нуля. И ещё потому, что история грешит повторами...

— А зачем Косорезовой потребовался ты?

— Она как раз та девушка, о которой пишут проплаченные блогеры. Мы с ней были знакомы в студенческие годы. А потребовался я её супругу, что меня сильно не радует.

Дома я вскипятил чай и отключил телефон из опасения, что нетрезвая Кира решит позвонить и замаять инцидент, не из вежливости, конечно, а ради прагматичной идейки что-то, в конце концов, из меня выудить. В чутьё мужа она верит: его карьера и приобретенные миллионы тому доказательство. Как матёрая манипуляторша она, явно, сообразила, что резкая смена формата нашего вечера в «Погребке» — не случайность, а психологический ход. Все варианты дальнейшего развития событий виделись мне в неприятном тумане неопределённости. Если Косорезов вбил себе в голову, что я знаю, где тетрадь Баклаша, — он попытается получить эти сведения. Вполне возможно, и Кира затеяла мистификацию с вторичной консультацией по его наущению. А если интуиция Косорезова не при чём? Модератора, отвечающего за объявления о вознаграждении, мог навести на меня Вересков, предположивший, что раз его жена приходила ко мне, даже ездила со мной в деревню к Юлии Прокофьевне, я могу быть замешан в этой истории как доверенное лицо, которому известно о нахождении тетради. Тогда непонятно, почему Вересков не попытался ещё раз ко мне явиться и выкружить информацию окольным путём. Скорее всего, опасается, что тогда и я, увидев его интерес к записям Баклаша, залезу в поисковик, найду объявление и решу сам получить деньги. Оснований для веры в бескорыстие наше телевидение не даёт, а Вересков — продукт зомбиящика. В том, что мальчик знает, где записи, он, конечно, не сомневается, и всё-таки продавать сына не готов. Или — пока не готов.

Косорезов от Верескова, к счастью скрыт: на контакт по поводу объявления выходит модератор сайта. А вот мог ли узнать Косорезов, что жена Верескова — родная сестра Фёдора Баклаша? Вряд ли. С чего бы ему проявлять любопытство к очередному болвану, запросившему по электронной почте предлагаемые на сайте разъяснения по поводу объявления. Если только Вересков сам не сообщил по указанному адресу, что Фёдор Баклаш был его свояком. Тогда всё осложняется. А Кира... Кира из самолюбия, скорее всего, скроет от мужа сегодняшний свой провал и попытается снова встретиться со мной. Игорь Иннокентьевич откроет для неё все двери в любой день и час.

Мой Косорезов и прислуге не доверяет, делилась она по дороге в «Погребок», завёл "грибного человека", по-моему, такие были в Древнем Риме, мужик за неплохие бабки пробует все блюда перед обедом. Круг кудринской элиты болен паранойей, поражён страхом: на каждого есть компромат, подходящий для приличного срока строгого режима... И я не верю мужу, поэтому имею свой бизнес и свою недвижимость. Неровен час, его окрутит какая-нибудь двадцатилетняя пиранья, и он решит кинуть меня.

Белая машина

Признаться, смутное предчувствие, что заметка с сайта «Побудки» исчезнет, у меня мелькнуло ещё вчера. Предчувствие было столь мимолётным, что я не придал ему никакого значения, хотя давно знаю: будущее отбрасывает в настоящее тень, а близкое будущее проникает через людские мысли о нём, отражаясь в нашем сознании, точно капли дождя на стекле. Кто-то удалил рассуждения Фёдора Баклаша. Возможно, с моим просмотром удаление совпало случайно, и причина была в том, что газетку стали атаковать вопросами о Баклаше граждане, привлечённые обещанием вознаграждения. Найдя на странице электронный адрес главного редактора, я отправил ему сообщение с просьбой прислать копию заметки и сообщить какие-нибудь сведения об авторе. О себе написал: психотерапевт такой-то, интересующийся влиянием цифровизации на психику.

Перед сном я заглянул в почту и обнаружил весьма подробное письмо от Олега Денисьева.

Уважаемый Андрей Андреевич, добрый день!

Ваша фамилия мне знакома, поскольку жена младшего брата моего отца, Германа Валерьевича Денисьева, ранее возглавлявшего газету, была Вашей пациенткой, и Вы ей помогли. Её фамилию (она по паспорту не Денисьева) напоминать не стану из этических соображений.

Теперь о Вашей просьбе прислать копию заметки Фёдора Баклаша. К сожалению, сайт газеты подвергся атаке хакеров, в результате которой исчезли несколько материалов, в том числе и нужная Вам статья. Она не была прислана в электронном виде, автор принёс распечатку. Набрав текст и поместив заметку на сайт газеты, моя помощница лист с текстом, по всей видимости, выбросила в корзину (к сожалению, не виртуальную). В принципе, содержание заметки Фёдора Баклаша не выходило за грань обзора популярных сейчас рассуждений о бессмертии, если бы не одна мысль, ради которой, собственно, я решил заметку опубликовать. Раз Вы «Побудку» иногда читаете, Вы в курсе, каких мы придерживаемся взглядов, потому мысль Баклаша, что цифровое бессмертие — это симуляция «для бедных», называемых чиновниками «лишними людьми», показалась нам стоящей. Баклаш был мистик, убеждённый, что вопрос, кто лишний, а кто нет, решается не в земной инстанции, однако, социальную платформу нашей газеты он поддерживал, считая её гуманистической. Я видел его только однажды, когда он принёс свою заметку, и тогда же мы подробно поговорили. Ни в какой партии он не состоял. Его привёл к нам Станислав Павлович Белоствольный — главный редактор сайта Рериховского общества: он, по старому знакомству с моим отцом, имеет рабочий стол в нашей редакции.

Белоствольный написал небольшую статью о Фёдоре Баклаше, которого хорошо знал. Я поставил её на сайт «Побудки», решив, что соберу отклики читателей, особенно тех, кто был тоже знаком с Баклашом, а после дам весь материал: статью СП, отклики, чьи-то возможные воспоминания, — в газету. И что вы думаете? Через десять минут сайт подвергся опять хакерской атаке, до сих пор мы не можем его восстановить. Если вы заходили, то это видели. Станислав Павлович уверен, причина именно в его статье. Однако я не отвергаю мысли, что снова пропавший материал, касающийся Баклаша, и атака — всего лишь совпадение. А причина в другом. В том, что «Побудка» усомнилась в официальной версии гибели сына банкира Левенсона — и намекнула на коррупционную пирамиду, которую из-за алчности, выходящей за корпоративные границы косорезовской мафии, Левенсон младший мог если не обрушить (они сильны), то сделать неустойчивой, а значит, потянуть на скамью подсудимых за собой кого-то ещё. «Побудка» предположила, что могли им пожертвовать ради status-quo. Когда я дал этот острый материал во вчерашний номер, признаюсь, опасался нападения на офис газеты и лично на себя. Год назад уже был такой прецедент: меня избили прямо возле редакции, сломали ребро. Повторения, конечно бы, не хотелось...

Посылаю статью Белоствольного Вам, СП постарался вспомнить всё, что иногда говорил Баклаш и что в той или иной мере касалось его теории. Это, говоря образно, всего лишь искры, не сам костёр, но мне кажется, что-то интересное для себя как психотерапевта вы найдёте.

С уважением,

Олег Денисьев.

Ваш отклик будет Станиславу Павловичу важен.

Откровенно говоря, меня немного позабавило дружеское объединение погудчиков с рериховцами. Правда, и те, и другие сейчас подвергаются травле: первые со стороны косорезовых, видящих в них потенциальных революционеров, вторые — со стороны религиозных ортодоксов.

Моё желание лечь и уснуть перебил интерес к статье Белоствольного. Помню, в детстве, когда бабушка водила в театр, особо сильно на меня действовало начало спектакля: раздвигался плюшевый занавес, открывалась сцена с декорациями, обещающими что-то восхитительно интересное, начинала звучать музыка и — по моей коже разбегались дорожки дрожи, как теперь иногда случается перед грозой. И вот сейчас я ощутил то же: словно цепочки невидимых электронов, затанцевали, когда я с волнением открыл файл.

Статья называлась «Мысль бессмертна».

Мне хочется рассказать об удивительном человеке Фёдоре Баклаше. Я был с ним знаком, а также имел счастье вести беседы. Познакомились мы на Алтае, в селе Верх-Уймон, где находится музей Николая Константиновича Рериха, выдающегося художника и мыслителя. Я уверен, наша встреча с Фёдором Баклашом была не случайной, а явилась итрихом замысла Создателя космической книги, выбравшего для одной из своих новелл Баклаша в качестве главного героя, а меня — как хранителя воспоминаний о нём и его высказываниях, несомненно, имеющих высший источник знания. Я приехал в алтайский

музей на конференцию, которую проводило сибирское рериховское общество, несколько оппозиционно настроенное к московскому и к нашему кудринскому. Вдаваться в причины разногласий не стану, поскольку ни я, ни Баклаш, вообще всегда стоявший особняком, никакого отношения не имели к общественным дискуссиям, иногда переходящим в конфликты. Баклаш приехал на Алтай не на конференцию, а, как впоследствии он сам говорил, чтобы «ощутить атмосферу»: он только что прочитал «Алтай-Гималаи». Он сразу обратил на себя моё внимание. Напоминавший лицом автопортреты Альбрехта Дюрера, он выделялся тем, что в «Агни-Йоге» названо «огнём Брахмавидьи», казалось, его глаза лучатся, и эти лучи способны видеть и читать ваши мысли. Я старше его по возрасту, но стоило нам заговорить, мне стало казаться, что старше он — на много воплощений. В православии тоже есть намёк на перевоплощения (реинкарнацию, метемпсихоз), иудаизм, от которого христианство оттолкнулось, став совсем иной религией, распространяет метемпсихоз на близких родственников, а материализм все такие идеи отвергает, считая защитными фантазиями. Материализм (в привычной интерпретации) всегда казался мне ограничителем. Точно человек судит о мире по вещам и предметам своего жилища и по виду из окна, отвергая саму идею, что существует нечто за пределами видимого и осязаемого, что-то пока на уровне современной науки непознаваемое. Баклаш считал непознаваемое принадлежностью более тонких материальных структур, то есть не отвергал, а расширял понятие материализма. В книгах учения говорится: «Каждая мысль есть своего рода магнит, она привлекает к себе подобное», и на первом этапе нашего общения с Баклашом многие наши рассуждения оказывались синхронными. Я привлёк его к собраниям кудринского кружка последователей учения.

Позже, возможно, восприняв через книги учения образ Христа, мой молодой друг пришёл к православию, к исихазму, признав практику исихазма вершиной православной мистики, и несколько отошёл от нашего рериховского кружка.

Философская теория Баклаша касалась многих метафизически важных аспектов современного состояния нашего общества, — он считал, что отсутствие метафизики, то есть осмысления происходящего, лишает социум необходимого надёжного фундамента, а науку — смысловых основ: «пропасть между знанием и нравственностью делается губительной». И, что было для Баклаша самым главным, он занимался проблемой бессмертия. Возможно, он далеко продвинулся на этом пути. Выросший на идеях русского космизма, он высказывал мысль, что человек мыслящий — это соавтор Вселенной, которую окутывают облака вероятностей, только благодаря человеческой мысли, никогда не исчезающей, тонкоматериальной, воплощающийся в предметность живой картины мира. Размышлял Баклаш и над цифровым бессмертием. Он считал, что крайне опасно иллюзорное очеловечивание ИИ и отнюдь не иллюзорное расчеловечивание его донора. Приведу несколько высказываний Баклаша из наших с ним разговоров (записанных мной): «Цифровой хор» разрушителен для человеческой психики, особенно, детской, поскольку....»

Экран погас.

Я встал, походил по комнате. Лечь спать? Нет, хочется дочитать. Экран снова засветился, вместо текста статьи на нём появилось сообщение: «Аргус» проводит проверку контента».

Лена бы сейчас воскликнула: «Абзац! Мы под колпаком Большого брата!», а я, попытавшись ещё раз открыть файл, присланный почтой и обнаружив, что и там пусто, написал Денисьеву, скопировав извещение системы контроля. Денисьев ответил тут же:

Андрей Андреевич, система что-то ошибочно восприняла в статье Белоствольного как подозрительное. Возможно, ИИ защищает сам себя от критики, могли разработчики внедрить и такую хитрость в алгоритмы программы. Станислав Павлович уехал в Санкт-Петербург, вернётся, Вы встретитесь с ним, и он сам расскажет Вам о Баклаше всё, что помнит.

Мысль о том, что прослушиваются и просматриваются мои электронные устройства, ещё десять лет назад отдавала бы паранойей, однако, сейчас, когда наш небольшой город весь обвешан камерами, превращая жителей в рыбок гуппи, копошащихся в стеклянном аквариуме, вечерами подсвеченном ради удовольствия наблюдателей, глупо предположить, что любопытство ограничивается только улицей. Любой горожанин нашего Кудринска — всего лишь торговый продукт, а его личная жизнь — средство для успешного маркетинга.

Весь субботний день провёл я дома, отключив телефон. Слушал музыку.

Сентябрьский вечер. Сухо. Прохладно. Не прогуляться ли? Я высунул руку в приоткрытое окно, ладонь приятно освежил лёгкий ветерок. Достал из шкафа пиджак и обнаружил, что две пуговицы висят на нитках, вот-вот оторвутся. Придётся заскочить в ателье, работающее без выходных. Сейчас начало восьмого, вроде, ателье до восьми. Успеваю. Там ли сегодня Верескова? Я поиронизировал над собой: пуговицы ли важны? Или они — лишь повод, лишь причина для свидания? И когда хмурый взгляд, соединившись с быстрой улыбкой, напомнил мне девочку, рисовавшую на асфальте, признался себе: пуговицы — лишь повод.

— Сегодня вернулся муж, — сказала Верескова, — приехал рано утром, сильно пьяный, заявил, что скоро станет миллионером и тут же, не переодеваясь, упал на кровать и заснул.

Мы медленно шли по аллее сентябрьского парка. Деревья ещё дружно зеленели, а воздух уже отдавал близкой осенней непогодой. Иногда к нашим ногам слетал бесшумно лист, затем другой, третий... Грустная Верескова больше молчала. Чувствуя, что возвращение домашнего тирана угнетает её, я попытался отвлечь помнящимся с детства бунинским «Листопадом»:

Лес, точно терем расписной,

Лиловый, золотой, багряный,

Весёлой пёстрою стеной

Стоит над светлою поляной...

— Осень меня всегда печалит, — Верескова поёжилась, словно от холода, — печалит, несмотря на красоту. В детстве меня поражали краски этого расписного терема, и мне так хотелось, чтобы они перестали исчезать. Как-то мама купила постельное белье, на

котором был осенний орнамент: несколько жёлтых и оранжевых листьев, я долго-долго их разглядывала. А потом подумала, что сама бы нанесла на ткань иной рисунок. Менее банальный, что ли... Я ведь почти окончила текстильный университет, факультет, где готовили художников по тканям. Неудачное замужество сломало все мои планы: ушла с предпоследнего курса, в самом конце... Осень напоминает мне о том, что молодость прошла, а значит, пора закрыть тему несбывшейся мечты.

— Не согласен, — сказал я, — у меня своя теория возраста, хотите, поделюсь?

— Поделитесь.

— Каждый возраст имеет свои сезоны, к примеру, зрелость. Есть юность зрелости, молодость зрелости, зрелость зрелости и старость зрелости. И так каждый возраст. Я замечал, что человек, у которого юность зрелости моложе того, у кого старость молодости. У вас сейчас...

— Да, я поняла, у меня сейчас старость молодости. И потому я воспринимаю осень так болезненно, будто она пытается проникнуть в мою душу и превратить и меня в опавший лист.

— А вы, Оля, примените мою теорию: вас вскоре ждёт юности зрелости. А зрелость зрелости — это самый долгий период, и вы...

Я не договорил, потому что, повернув на тропинку, ведущую к озеру, мы столкнулись с лирической парой: моя (теперь уже точно не моя) Лена шла под руку с Игорем Иннокентьевичем...

Поздно вечером Лена позвонила и шёпотом сообщила, что у шефа жена второй месяц в больнице, болезнь хроническая, многолетняя, оказывается, Игорь Иннокентьевич все годы преданно за женой ухаживал, доставал дорогие лекарства, возил в санатории, всё бесполезно, врачи вынесли свой приговор, и сейчас он безутешен, только-только заснул, его нельзя оставлять в квартире одного, взрослая дочь живёт в Австралии, приехать не может, и я обязана быть рядом с ним. Он прекрасный, ценный специалист...

— ... и потому денежные потоки нашей клиники стекаются в его карман.

— Андрей, как ты можешь сейчас вспоминать о деньгах? Это кринж! Человек страдает. Ты мне лично делаешь больно!

— Ну, прости, дорогая, — усмехнулся я, — не хотел задевать твои нежные струны. Меня извиняет то, что о бездонном кармане шефа ты не раз говорила сама. И сама же его за это осуждала. Есть такой тип женщин, они инстинктивно выбирают только преуспевших, я не догадывался, что ты из них. Что ж, ты права, с таким, как я, элитная башня не светит.

— Знаешь, Андрей, пора признать, ты не совпадаешь с вызовами времени, — Лена сменила взволнованный шёпот на обвинительный тон, видимо, прикрыв телефон ладонью, — и не желаешь понять: какое время, такие и люди. Тот, кто не играет по правилам, выпадает из игры навсегда. Ты бы мог купить виллу в Италии, как психотерапевты-частники и коучи, а живёшь на одну зарплату. И то, что лично ты

отличаешься от большинства, не означает, что ты прав. Промывай мозги своей тощей Вересковой.

— Не навязываю никому свою правду. И ей в том числе.

— Ты — архаичный моралист! Правда в том, что нас всех поставили в одинаковые условия, такова схема современной жизни: или вступишь, или... Шеф заботился о больной жене: на официальные деньги импортное лекарство за двести тысяч не купишь!

— Только на выходе результат у всех свой: шеф, кроме лекарств, покупает квартиру в самой дорогой высотке, а мальчишку восемнадцати лет из бедной семьи сажают на шесть лет за украденную шоколадку, его ровесника, единственного сына немолодой полунищей матери, едва обучив стрельбе, отправляют на верную гибель...

— Андрей! Вспомнила! Я ведь позвонила тебе как раз из-за твоего подшефного: мальчику нужно поговорить с тобой. Он просит об этом уже несколько дней. В понедельник его к тебе приведут.

— Надеюсь, ты его пока не выкинешь из отделения, риск ещё есть.

— Не выкину! Да, чуть не забыла! Звонили от Косорезова, твоя консультация заказана на среду. Пока!

Лена отключила связь. А я подумал: у меня ещё есть три с половиной дня.

В воскресенье утром я решил заглянуть в редакцию «Побудки». Звонить Олегу Денисьеву и спрашивать, там ли он, не стал: если он готовит свежий номер, его и так застану, а коли он отсутствует, просто прогуляюсь. Скоро сухие солнечные дни сменятся дождливыми, синева неба затянется бесконечной серой тканью, на которой никто не нарисует яркие сентябрьские листья. Даже воображаемое ненастье склоняет меня к меланхолии.

Дверь «Побудки» была приоткрыта, и на площадке подъезда стоял, точно призрак охранника, стойкий сизый сумрак.

— Здравствуйте! — Олег Денисьев обрадовался, засуетился, включил чайник, достал из открытой пачки, лежащей на столе, короткую сигарету.

— Много курите, вредите здоровью, — сказал я, невольно подыграв его восприятию меня как психотерапевта, — понимаю: работа нервная.

— Мне вреднее не курить, не получается бросить, — Денисьев смутился.

— А я однажды бросил: отделил своё курящее «я» как чужое — и с тех пор даже не тянет. В основе способа — всего лишь собственное воображение.

Дверь открылась.

— Станислав Павлович, с приездом! — закричал Олег. — Чай с ликёром для вас!

Мы вышли из редакции вместе с Белоствольным. Оказалось, нам — по дороге.

— Все городские пути ведут через центральный парк.

— И воровские тоже. — Белоствольный засмеялся. — Всё равно парк этот люблю. Если не спешите, побродим и поговорим. С юности люблю: первые свидания, первые поцелуи... Подростком как-то из куража, не один, вместе с озорной компанией, совершил здесь дурной поступок, стоял маленький гипсовый ёжик на поляне с детской площадкой, вот мы этого ёжика и демонтировали, приятель утащил себе... Всё в жизни аукается, каждый проступок, и не только проступок: произнесёшь недоброе слово, оно отразится от невидимого зеркала атмосферы и к тебе вернётся.

Мы добрались до новой скульптурной композиции «Наше будущее»: жизнерадостные бронзовые мальчик и девочка явно были скопированы местным скульптором с когда-то стоявших в парке гипсовых пионера и пионерки. У девочки те же юбка в складку, носочки и туфли фасона 30-х годов прошлого века, у мальчика те же рубашка и шорты, только их руки, точно у слепых, пытаются ухватить что-то, не видимое прохожим, потому что на головах детей шлемы VR (виртуальной реальности).

— Такое «наше будущее» вызвало тревогу и неприятие многих горожан, забросали письмами и косорезовские СМИ, и нашу «Побудку». Косорезовские, конечно, начали разъяснять «тёмным кудринцам» все преимущества ухода в виртуал, а «Побудка слишком малотиражна, чтобы её голос имел вес: его легко глушат шумы управляемого городского хаоса. Олег написал статью, поддержал горожан, требующих демонтировать этих переформатированных пионеров. Как видите, результат нулевой. С ёжиком было проще. — Белоствольный нахмурился, и мне показалось, что его мохнатые брови вот-вот оторвутся от лица и улетят, по-шмелиному загудев.

— С моего компьютера вашу статью, присланную Олегом, удалил «Аргус».

— С моего тоже. «Аргусом» через подставное лицо владеет Косорезов. Сильно жаждет овладеть записями Фёдора Баклаша: поверил в слухи о его гениальном открытии пути к бессмертию. И, вероятно, хочет издать часть записей, не раскрывая главного, под своим именем, потому убирает из открытого доступа всю информацию, Баклаша касающуюся. В моей статье ничего не было о бессмертии, я привёл только некоторые рассуждения. Мы как-то, с год назад, бродили с Фёдором по этому самому парку, как раз осенью, и он, сравнив листопад с популярной ныне программой хорового объединения сознаний, предполагающей, что каждый индивидуальный мозг станет частью единой системы нейросетей, сказал: «Объединение будет подобно листопаду». Почему, удивился я. Он ответил: взаимопроникновение сознаний означает смерть каждого отдельного. Произойдёт опасная для индивидуума подмена его личной реальности, воспринимаемой как объективная, на ложную, созданную из чужих психотравм, обид, ревности, то есть всего, что прячется почти в каждом подсознании. Биосистема не сразу, через какое-то время, отреагирует на чужое отторжением, но, путь обратно, к своему «я», будет уже заблокирован, и лист сознания облетит... Вот, как этот, — Белоствольный наклонился, поднял красный кленовый лист. — Говорил Баклаш и о том, что люди не понимают истинного значения памяти, считая память лишь актом запоминания, правда, с многовекторными целями. Я сразу вспомнил Блаватскую и процитировал по памяти: «...вселенская память сохраняет каждое движение, каждое тончайшее колебание и проявление, которое создаёт волны различной природы, как в человеке, так и во Вселенной». Тему памяти Баклаш тогда не продолжил, заговорив сначала о времени,

считал, что время иногда может менять направление, и предвидение событий доказывает не только гибкость временной траектории, но и зеркальность его, затем — о материальности мысли. Мысль не только материальна, она бессмертна и живёт, создавая новые сочетания, именно сочетания мыслей прошлого, говорил он, образуют ландшафт будущего, и человек, достигший высокого уровня духовного сосредоточения, способен сам выбрать следующее своё воплощение и задачу. Я сегодня в поезде почему-то вспомнил об этом и подумал: раз я чувствую, что Баклаш где-то рядом, значит, пока он ещё здесь... Выходит, ждёт.

— Опять пушинки?

Мальчик чуть окреп на больничных кашах и не выглядел уже заморышем.

— Вы можете в это не верить, — он улыбнулся. Улыбка означала и то, что он стал воспринимать смерть любимого дяди не столь драматично, как раньше, и начавшийся процесс отстранения от страхов и фобий.

— Важное?

— Я должен вам рассказать, как умирал Фёдор.

Хотя я знал, что мальчик не присутствовал при гибели Баклаша, возражать не стал, понимая, что услышу что-то необычное.

— Расскажи.

— Он тогда позвал нас с мамой в воскресенье, торт купил, мы пришли, стали пить чай, разговаривали, больше мама говорила, я заметил сразу, мой дядя, точно больной, какой-то потусторонний... А потом... потом вдруг я увидел, как из него выпорхнула его душа. Это стайка крохотных золотистых искр, стайка двигалась, как птичья стая, на видео здорово это показывают, только каждая птичка была уменьшена до размера искры, и они вибрировали. Из какого места, из головы или сердца они вылетели, я не заметил. Стайка, может быть, всего секунды три была видна, не рассыпалась, а вся целиком приблизилась к маме, — мальчик приложил свою ладонь к левой стороне груди, — и сразу исчезла. Теперь эти искры в ней. А дядя на третий день после этого погиб.

— А если бы стайка распалась? — спросил я.

— Тогда каждая искра попала бы к кому-то другому, к разным людям. Или все рассеялись бы в атмосфере, навсегда потеряв связь друг с другом.

— Теперь не рассеются?

— Может быть, мама родит мне брата, — мальчик быстро глянул на меня и опустил глаза, — золотистые искры влетят в него...

Возвращаясь с работы, я думал о том, что мысли перетекают из сознания в сознание, кто-то выступает транслятором, кто-то реципиентом. Психическая реальность — общее поле, и оказавшиеся в одном полевым слое, который может быть религиозным, родовым,

семейным, а может быть всего лишь сообществом, объединённым общими интересами или темой соцсети, попадают под закон резонанса, — сходную идею высказывал Руперт Шелдрейк. Вчера мы говорили с Белоствольным о том, что Баклаш думал о возможности нового рождения, а сегодня мальчик рассказал о своём необычном зрительном переживании. Идея об осознанном воплощении не показалась мне при разговоре с Белоствольным реалистичной, почему же после рассказа мальчика так печалит меня образ одиноких искр, рассеивающихся в пространстве космоса? Неужели духовные усилия святых и великих мистиков были направлены на то, чтобы стайка искр оставалась единой, сохранила память обо всех своих предыдущих жизнях и смогла невидимой волей быть направлена к новому телесному дому?

Вечером я поискал в интернете: нет ли сходных историй — и, на удивление, быстро нашёл две. Католический священник, описывая свой визит к умирающему девяностолетнему старику, упомянул, что ему как лицу духовному была приоткрыта тайна души, покинувшей тело старика в виде маленького роя вибрирующих святящихся точек, которые тут же исчезли. «Рой» — не совсем точное слово, подумал я, в нём нет синхронной слаженности стаи, и тут же нашёл воспоминания православного батюшки о гибели его друга. Они ехали по загородному шоссе, только что пролетел июльский ливень, дорога ещё не просохла. Друг вёл машину, а священник сидел позади вместе с маленькой дочкой. Внезапно ему показалось, что какая-то золотистая дымка возникла рядом с водителем и тут же исчезла. Через минуту в машину врезался мотоциклист, погибший на месте. К счастью, у священника и его дочери не оказалось даже ушибов, а вот друг батюшки получил тяжелые травмы, на третий день он скончался в больнице. Золотистую дымку рассказчик назвал душой.

Вторник был заполнен привычной больничной рутиной, не заглушающей всё усиливающуюся мою тревогу. Поездка в особняк стала казаться мне опасной. И психологический фон не прибавлял оптимизма. Кира не звонила (мне пришлось признаться себе, что её молчание тревогу усиливает), Лена погрузилась в сочувствие Игорю Иннокентьевичу, и я ощущал досаду, понимая, что отвергнут. Впрочем, убеждал себя, роль «сексуального средства для отдыха» не сильно меня и устраивала. Во мне нет склонности к современной лёгкости отношений, часто начинающихся после случайной эротической мозаики и постепенно становящихся чем-то большим. Бабушка моя, воспитанная религиозными родителями, хотя и состояла в коммунистической партии, сохраняла православные традиции и как-то исподволь вмонтировала в моё подсознание понятие греха. Иногда и отношения с Леной отдавали чем-то греховным.

Ночь на среду я спал крайне плохо. Растревоженный мозг, словно компьютер, выдавал бесконечную череду картинок, то клипово меняющихся, то застывавших, подобно коллажу. И почти во всех фигурировала белая машина. На одной я увидел отчётливо лица амбалов, которые кого-то избивали. И, признаюсь, лицезрея кровь жертвы и монотонные движения охранников, облился липким потом. Не считая себя прежде трусливым, в эту ночь, обвинив себя в позорном малодушии и постыдном страхе, я увидел себя жалким ничтожеством. Утром, накачавшись кофе (а кофе пью крайне редко), я волочился через парк. Ветер равнодушно гонял по аллее листву, утратившую привлекательность солнечного бабьего лета, серые тучи нависали над унылыми, ещё не оголившимися деревьями, среди чернеющих стволов пустовали скамейки... Внезапно меня окликнули по

имени. Я вздрогнул и оглянулся. Меня догоняла девушка с длинными светлыми волосами. Неужели та самая, что обворовала? Перекрасила волосы? Погасив порыв поскорее пройти мимо, я остановился, дождавшись, пока она поравняется со мной. В конце концов, осталось во мне мужское самолюбие? Бегать от девицы позорнее, чем исходить потом от воображаемых картинок.

— Вы не узнали меня! Вы приезжали с Олей Вересковой в деревню, и мы поговорили немного.

— Вспомнил, — я улыбнулся. — Не ожидал вас встретить, Алина, в такой ранний час в городском парке.

— Если вы мне не поможете, мне придётся здесь ночевать, — девушка всхлипнула. — У меня нет денег на дорогу домой, нужно совсем немного, а я последние рубли истратила, чтобы поест. К Оле в ателье боюсь идти, мне её муж угрожал. Он и виноват, что я милостыню у вас прошу.

— А что случилось? — чувствовалось, Алина говорит правду.

— Вересков увёз меня к своему приятелю в посёлок, там я на него работала, он горы денег мне обещал, а приехали в город, прогнал меня, ни копейки не заплатив.

Я достал кошелёк — на всякий случай, учитывая перебои со связью, ношу с собой наличные, — дал бумажки Алине.

— Это много, — сказала она.

— Пообедаете. У автовокзала неплохое кафе.

— Спасибо.

— Опаздываю! — Глянув на часы, я поспешил в клинику.

Шеф вышел на работу, и отсрочка визита в особняк мне уже не светила. Я был уверен: сегодня из меня будут выбивать сведения о нахождении записей Баклаша. Каким способом? Самым древним, тем, что мелькал в ночных клипах, или с применением какого-нибудь изощрённого цифрового устройства, вскрывающего память? Вряд ли — второе. Даже если подобная технология, близкая МРТ, уже есть для разведывательных целей, Косорезов, хоть и помаячивший городским депутатом, к ней отношения не имеет, а продажа такого способа извлечения информации карается слишком строго: на карте вся жизнь. Так что вероятнее — способ мне предложат классический: от угроз до ударов, не оставляющих следов... я содрогнулся... а если — мне уготованы пытки? Оставалось надеяться только на русский «авось»: авось выживу.

В пять вечера белая машина уже стояла у ворот. Амбалы, глядя на дверь больницы, курили. Я вышел, ощущая ватную тяжесть в ногах, амбалы, переглянувшись, выдвинулись мне навстречу и совершенно одинаково усмехнулись, и я опять подумал, что они всего лишь модифицированные роботы-жорики, в программу которых не заложена лишняя для выполнения приказа человечность. Мы выехали из города. Часть шоссе перегородили рабочие в оранжевых куртках: шли ремонтные работы, пришлось объезжать этот участок

по идущей параллельно кривой дороге: машину так сильно тряхнуло, что меня подкинуло на сиденье, а жорики, судя по их блестящим неподвижным затылкам, сидели, точно вмонтированные в кресла. Они молчали. Молчал и я, гордо не опустившись до заискивающей беседы, призванной расположить к жертве будущих её мучителей. Да и спрячь я свою гордость в карман, от механических сердец не получил бы ответного сигнала: сочувствие программа не опознаёт.

Мелькание вывесок, торговых павильонов, автобусных остановок, редких пёстрых деревенок сменилось коттеджными посёлками, об одном из которых, застроенном огромными особняками, мне рассказывала Кира: я вспомнил о молодом Левенсоне, и сейчас мне стало его жаль: он — жертва гигантского спрута с щупальцами из особняков, яхт, золотых унитазов и смазливых эскортниц. Погибнуть ради служения спруту — как это пошло... Меня вырвал из размышлений внезапно прозвучавший резкий голос Косорезова.

— Высадите его. Он мне больше не нужен.

— Не понял, босс, — произнёс амбал, сидевший за рулём.

— Не понял, босс, — произнёс амбал, сидевший справа от него.

— У меня изменились планы. Высадите его.

От неожиданности я точно одеревенел. Амбалы переглянулись, прирулили к обочине, выскочили и, схватив меня за обе руки, грубо вытащили из машины.

— Без самодеятельности! — крикнул из салона невидимый Косорезов. И я догадался, что всё происходящее в машине передаётся на его домашний экран.

Амбалы, не глядя на меня, сели в машину и уехали. Я стоял на обочине. Позади стелилось уходящее вдаль бесконечная сухая ржавая трава, а вдалеке, на противоположной стороне шоссе, краснели и зеленели башни и крыши особняков. Не стремясь разбираться в причинах неожиданного приказа Косорезова, я пошёл вдоль дороги по направлению к городу. Ловить попутку не стал, опасаясь, что попаду опять к очередным жорикам, множась в геометрической прогрессии, и за два часа ходьбы не встретив ни одного человека, наконец, добрёл до автобусной остановки.

Причину отказа Косорезова от встречи со мной я узнал через два дня. Конечно, кое-какие версии мне приходили в голову: внезапная болезнь, чей-то важный визит и так далее, — каждая оказывалась недостаточно доказательной. Голос Косорезова не походил на голос заболевшего, факт визита я проверить не мог, остальное виделось ещё более расплывчато. То, что причина моего освобождения из косорезовских лап — в муже Вересковой, я предположить не мог и, хотя всегда отношусь к образной канве своих снов как профессиональный толкователь, на этот раз не обратил внимания на подсказку: в ночь после пешей ходьбы вдоль пригородного шоссе Вересков мне приснился сидящим рядом с амбалами на какой-то деревенской скамейке.

А вечером в пятницу позвонила пьяная Кира: судя по фону, она расслаблялась в «Погребке», — и раздражённо сообщила, что она так и знала: Баклаш был обычный крэнк,

чудик, никакой тайны бессмертия он не раскрыл, а списал всё с популярных статей из интернета, перенос сознания на железо, редактирование генома и прочее, прибавил ещё какую-то ахинею про египтян, мол, они достигли бессмертия, выделяя астрального двойника и привязывая его к имени, а практика, которую он предложил, вообще чушь: нужно отделять себя от своего имени, многократно записывать его на бумажке и сжигать, и постепенно так станет возможным сохранить себя в астрале. В общем, полная трюнда. Один бонус: записи найдены. Привёз их муж Вересковой, она в разговоре с тобой выдала, что о записях вы с ней знаете, знал и её мужик.

— Как-то не деликатно прослушивать чужие разговоры, — я был пронзён Кириной информацией: если Вересков добыл тетрадь Баклаша из «заговорённого места», это станет ещё одной психотравмой для мальчика.

— Такая прослушка — всего лишь частный случай, — сказала Кира примирительно. — Сейчас всё везде в Кудринске просматривается и прослушивается. Чиновники ловят народ, а сами попадают в ту же сеть. Что Баклаш-глупец, что они... Идиоты кругом... Приходи сейчас к Аркашке, продолжим тему.

Продолжить тему я отказался. Часы показывали половину восьмого — нужно было спешить, пока ателье не закрылось: по телефону рассказывать Вересковой о том, что её муж привёз Косорезову записи Баклаша я, разумеется, не хотел. Накинул плащ, подумав почему-то, что чеховский доктор Астров за пределами пьесы женится на Соне, и поймал себя — а ведь это проекция.

Когда я пришёл в ателье, Верескова уже собиралась домой. Выглядела она почти такой же измученной, как при нашей первой встрече в клинике. Утомление затушевало её чувства, и я не смог определить, рада ли она мне. Решил не оглушать её сразу известием об украденной тетради и рассказал о встрече с Алиной в центральном парке. Мы как раз шли по главной аллее, уже стемнело, неровный свет фонарей придавал атмосфере фантазийности, и я подумал, что освещение меняет психологию: жившие при свечах были не такими, какими стали их потомки, выросшие при электрическом свете.

— Муж завтра должен получить большие деньги за какую-то свою работу, рассчитается с Алиной. Хочет основную часть суммы вложить в бизнес. У него одна мечта — стать буржуем.

— Деньги, Оля, не за работу. Он привёз Косорезову тетрадь Фёдора.

О том, что Кира посчитала записи чушью, я говорить не стал.

— Странно, — Верескова приостановилась, и я уловил, как дрогнуло её сердце, — вчера говорила с мамой по телефону, неужели она скрыла, что отдала тетрадь? На неё не похоже.

— Могла опасаться, что пропажа травмирует мальчика. Надо срочно ехать в деревню и всё узнать у Юлии Прокофьевны. У меня завтра выходной.

— И у меня. Я из-за приезда мужа попросила два дня выходных, поскольку тяну и моделирование, и крой, и много чего ещё, хозяин не мог мне отказать.

— Как быстро мы привыкли, что есть хозяева, — сказал я. — Ваш — наёмный менеджер или владелец?

— Владелец. Бывший комсомольский активист. Он в двадцать пять лет сумел приватизировать ателье, мастерам платит мало, считает, что преуспел, потому что умный, а мы все лошары, раньше цитировал в соцсетях «Энциклопедию лоха» и постил там фотки: он с маленьким внуком на фоне интерьеров своего дома в Испании... Сейчас затаился и постоянно торчит в городе, иногда устраивая нам всем разносы. От скуки, наверное... Я — за революцию.

— Опыт истории учит — это плохой путь, безжалостный и кровавый. Жертвами станут опять — лучшие. Олег Денисьев, главный редактор газеты «Побудка», предлагает иной: модернизация, национализация земных недр, соединение гос. планирования с элементами рынка и частной собственности... Он надеется, что в Кудринске остались честные люди, молодые в том числе, способные освободить город.

— Не верю я в мечты «Побудки», наш мастер её читает и приносит в ателье. Честного человека, — Верескова нахмурилась, — не пропустит ни один фейсконтроль.

Мы расстались у ворот парка, договорившись, что завтра в девять утра встречаемся на вокзале.

Внезапное трагическое событие перечеркнуло наши планы. В тот самый час, когда мы бродили по дорожкам, шуршащим опавшей листвой, и вели совершенно бесплодную беседу на тему, близкую к политике, Верескова сбила машина. Погиб он сразу. Ни денег, ни документов, ни телефона при нём не было, полиция обнаружила в его кармане только пачку дешёвых сигарет «Космос». Опознали его благодаря тому, что за десять минут до гибели он купил эти сигареты в магазине, расплатившись «улыбкой». Верескова потом рассказала, что, стремясь быть «крутым», он одним из первых стал использовать свою биометрию вместо карты или наличных. Водитель не остановился — его разыскивают. Осложняло поиск то, что белая машина была без номеров.

Я понимал, что гибель мужа вызывает у Вересковой, как говорится, смешанные чувства. Его домашняя тирания измучила её и мальчика. И всё-таки в первые годы совместной жизни её чувство к нему было живо, и она, конечно, вспоминала сейчас те давние счастливые минуты и жалела сына. Временами мальчик ненавидел отца, но был тонким побегом его генетического древа, отзывающегося пульсирующей болью на каждую обрубленную семейную ветвь. Мы решили, что пока не стоит говорить мальчику о случившемся. От моего неожиданного интуитивного предположения, что сбивший её мужа автомобиль имеет отношение к господину Косорезову, Верескова отмахнулась: какая связь? В общем, да, подумал я, полгорода ездит на белых легковушках. И всё-таки...

Поехали мы в деревню через неделю. Серый дождливый день, какие-то скандальные мужики, из-за которых пришлось перейти в другой вагон электрички, парень на костылях в камуфляже, нищая горбуня, просящая милостыню, высаженная контролёром на одной из станций, безголосый певец с неумелой гитарой, — всё это угнетало. И Верескова, погружённая в свои печальные мысли... Собственно, зачем мы тащимся в деревню, внезапно проговорила она, как-то робко глянув на меня, он забрал записи, значит, их там

всё равно нет. У мамы я ничего не спрашивала, ведь ты... вы предупредили, что на эту тему нельзя говорить по телефону.

Я отреагировал только на её оговорку и улыбнулся. Мне показалось, что и день улыбнулся тоже сквозь серую пелену. «Пустое вы сердечным ты она, обмолвись заменила...».

Юлия Прокофьевна встретила нас горячими пирогами и душистым чаем. В самоваре зеркально светилось её повлажневшее округлое лицо.

— Так и знала: сегодня будут у меня дорогие гости, думаю, нужно больше пирогов напечь.

В домашней обстановке Юлия Прокофьевна с её уютной полнотой, теплотой слов и мягкостью улыбки совсем не походила на ту пожилую строгую даму, что навещала своего внука в клинике. Её умные проницательные глаза намекали на то, что видимое скрывает глубину невидимого. Я подумал об этом, и Юлия Прокофьевна, заговорив о гибели Верескова, словно продолжила мои беглые размышления.

— Жаль мне его, он готов был вывернуться наизнанку, чтобы обратить на себя внимание, а человек ведь настоящий существует внутри самого себя. И в самой глубине его — главный советчик, мудрое всезнающее Я, ведающее о самом скрытом и малейшем движении души. Митенька называл его в раннем детстве Зизибу. Накупается в речке, заболит, подхватит простуду, я к нему с малиной, мёдом, а он мне всегда говорил: «Бабуля, меня вылечит мой Зизибу». И выздоравливал очень быстро. А коли человек ради того, чтобы произвести впечатление, наизнанку свою натуру выворачивает, главное-то его Я и теряется, выпадет однажды и не вернётся.

Верескова спросила о тетради Фёдора, давно приезжал муж и забрал записи? Юлия Прокофьевна удивилась.

— На месте тетрадь, Олюшка, с чего ты взяла, что забрал? Враль твой что-то наплёл?

— Проверь, мама.

Юлия Прокофьевна вышла из горницы, минут через пять вернулась и успокоила нас: тетрадь на месте.

— Я теперь вдова, мама, — сказала Верескова, — давай больше никогда не будем говорить о погибшем плохо. Он всё своё дурное искупил гибелью. А я обязана выплатить его долги, чтобы душа его на том свете не страдала. Он должен нашему соседу, там немного, и дочери Зои-продавщицы. Алина, оказывается, на него работала, а заплатить он ей не успел.

— Алина сегодня в магазине вместо матери, Зоя заболела, я её лечу. Бесплатно, как всегда. Уже лучше ей, отдохнёт пару дней и снова за прилавок. Неужто совесть им позволит взять с тебя деньги? — Юлия Прокофьевна нахмурилась, и я заметил, как похожи мать и дочь.

Алина, увидев нас, покраснела и торопливо обслужила единственного покупателя: ветхий дед покупал конфеты.

— Я тебе долг за мужа отдам, — сказала Верескова, — назови сумму. Ты какую работу для него делала? Мыла что-то? Прибирала? Или что-то другое?

— Нет, сложную работу. Он мне принёс тетрадку, в ней были записаны чьи-то наблюдения за погодой, и отдельные десять пронумерованных страниц, сильно заумных, пришлось разбирать про египтян и про интеллект этот долбанный искусственный, я должна была переписать все десять страниц, только не своим почерком, а скопировав почерк из тетрадки. Ума не приложу, кто ему рассказал, что я могу любую картинку и любой почерк точно скопировать.

— Я и сказала, — Верескова смотрела не на Алину, а на меня. Мы с ней поняли всё.

...Прошло четыре месяца. Втроём мы гуляли в центральном парке: я, Ольга и Митя. После недавнего снегопада деревья казались сказочными, как в детстве. Крупные снежные хлопья внезапно слетали с веток, скамейки дремали под большими снежными подушками. Мальчик разбегался, прыгал на них, снова разбегался и снова прыгал... Он уже знал о гибели отца и пережил её легче, чем смерть дяди. Возможно, легче потому, что теперь был рядом с его мамой я, всё сильнее напоминающий мальчику брата матери.

Водителя, сбившего Верескова, так и не нашли: изображение лица на камере дорожного наблюдения оказалось размытым. И дело об аварии заморозили за недостаточностью фактов. Олег Денисьев хотел потребовать через газету дополнительного расследования, однако другое судебное дело затмило все городские мелкие и крупные новости: арест Косорезова. В «Побудке» появилось заявление прокуратуры: «Общий доход от незаконной деятельности Косорезова превысил 11 млрд. руб. Для извлечения прибыли им во время исполнения депутатских полномочий были оформлены права на 107 объектов недвижимости в городе Кудринке и области, 99 из которых относились к государственной и муниципальной собственности. Все это — незаконный доход и недвижимость — требуется обратить в доход государства».

— Рано радуетесь, — скептически сказал Олег Белоствольному и мне, когда я зашёл в редакцию, потрясённый прочитанной заметкой, — вы наивно думаете, восторжествовала справедливость, а это очередной передел собственности и, что ещё опаснее, превращение воровского капитализма в узаконенный феодализм с социалистическим лицом. Точнее, с маской вместо лица.

— Вы неправы, — горячо возразил Белоствольный, разгоня ладонью дымовую завесу от сигарет, — я вижу иначе: в обществе назрела потребность в справедливости! Уверен, что гомункул ненасытного потребления вот-вот лопнет! Окатит грязью народ, ничего, народ отмоется и чистоту вернёт.

— Станислав Павлович, — Олег сочувственно глянул на Белоствольного, — последний идеалист Кудринска.

— Может, я не последний, а первый...

— А вы, Андрей Андреевич, знаете, что закрыли «Погребок»?

— Нет.

— Закрыли, — Олег иронично улыбнулся. — Собственник удрал.

Пьяная Кира мелькнула и скрылось. И мне стало жаль её. Не холодную хищницу с искусственным лицом, а похороненную в ней красивую порывистую студентку, влюблённую в художника.

...Я смотрел на укутанные снегом ветви, на покрасневшую милую женщину, похожую на девочку из моего детства, рисовавшую мелками на асфальте, и думал, что записи Фёдора Баклаша о бессмертии должен первым прочитать Митя. Когда станет взрослым. Вряд ли я, скромный психотерапевт, иногда грешащий, порой предающийся лени, далеко не смельчак, склонный к самооправданию и с трудом выбирающийся из ощущения, что наш мир — иллюзия, такого знания достоин. Мальчик, привычно угадав мои мысли, подошёл ко мне и сказал: «Весь мир — это память. И мы существуем внутри неё. Память образует спираль пространства-времени, а служит обычному запоминанию только для входа и путешествия по одной спиральной дуге. По той, которую человек называет своей жизнью».

— Красивый образ, вернее — один из прообразов.

— Да, красивый, как снег, — он улыбнулся. — Я сначала решил, что считал с пушинки. Нет, про спираль памяти додумался сам.

Верескова тоже улыбнулась.

— Митя и меня убедил, что Фёдор ждёт скорого возвращения на том витке, который недалеко от нашей дуги, — сказала она.

— Мне кажется, я научился переходить с одного завитка спирали на другой, например, иногда могу зайти в прошлое, там тоже все люди живые... — Митя запнулся, помолчал и договорил: — только по-другому... Я видел во сне дядю и попросил его прийти и сказать мне, правда ли я это умею или только придумал.

И тут же снова пошёл снег, занавешивая, точно сцену, центральную аллею, по которой мы шли, пряча нас от самих себя.

— В памяти можно исчезнуть, превратиться в сугроб, как мой папа, — тревожно сказал Митя, прижался к моему плечу и тут же отпрянул, застыдившись случайного проявления чувств.

«Главное — не потерять друг друга, путешествуя по бесконечной спирали», — засмеялась девочка из моего детства, стряхивая со своей куртки снежные хлопья.

И в этот миг в белой дымке метели возник призрачный человек. Он шёл очень медленно, постепенно проступая сквозь снег и обретая всё более зримые очертания. Когда человек подошёл к нам, время замолкло и остановилось.

— Ты действительно это умеешь, — сказал он, протянув прозрачные руки к Мите, словно желая его обнять.

И растворился в снежной пелене.